
Владимир Максович

ЕФИМОВ

Об интерпретативной
институциональной экономике

Москва

Институт экономики РАН

2007

Ефимов В.М. Об интерпретативной институциональной экономике
(научный доклад). – М.: 2007. – ... с.

Автор возобновляет спор о методах (Methodenstreit) опираясь на современные достижения философии науки, когнитивных наук и наук о культуре. Господствующее сейчас понимание «научности» проистекает из *классического* естествознания. Экономисты игнорируют, что на смену ему уже в конце XIX века пришло *неклассическое* естествознание, а вслед за ним, с последней трети XX века, начинается период *постнеклассической науки*. Новая институциональная экономическая теория попала в ловушку классической парадигмы, имитируя естествознание, но не современное, а естествознание более чем столетней давности, исследовавшее простые системы. Имевшие дело со сложными социально-экономическими системами и практически ориентированные первые институционалисты в Германии и США в свое время верно нащупывали адекватный для такого рода систем *интерпретативный* подход, который в последнее время получает все большее развитие. Автор использует эти достижения для обновления взгляда на предмет и метод институциональной экономики.

1. Две институциональные экономики

В настоящее время в учебно-научной жизни российской высшей школы наблюдаются два явления. Это, с одной стороны, необыкновенный рост интереса к институциональной экономике проявляющийся в большом числе недавно созданных кафедр институциональной экономики и в беспрецедентном в мировой практике росте числа опубликованных по этой дисциплине учебников. С другой стороны, это осознание необходимости философского осмысления науки, проявляющееся в введении с 2005 года для всех аспирантов (независимо от их конкретной специализации) обязательного экзамена кандидатского минимума «История и философия науки» и публикации значительного числа соответствующих учебников. К сожалению эти два явления не связаны между собой. В настоящей статье делается попытка обсудить вопрос о том, какой методологический выбор должны сделать российские экономисты-институционалисты, чтобы их наука могла эффективно выполнять свою социальную роль в современной России.

В большинстве опубликованных отечественных учебников по институциональной экономике этот выбор сделан в пользу новой институциональной экономической теории (New Institutional Economics)¹. Признавая важность для развития этого направления идей так называемой старой институциональной экономики (Old Institutional Economics)² и ее предшественника, немецкую историческую школу, лидеры новой институциональной экономической теории отмежевываются от исходного варианта институционализма Густава Шмоллера и Джона Коммонса³ прежде всего по методологическим и политическим соображениям. Обычные обвинения со стороны новых институционалистов в адрес исходной институциональной экономики, описательность и отсутствие теории⁴, а иногда и ангажированность, заимствованы ими от неоклассиков, от которых они ни по своим политическим склонностям (либерализм), ни по методологическим пристрастиям (позитивизм), мало отличимы⁵. В учебниках по новой институциональной теории ее авторы всячески подчеркивают ее связь и взаимодополняемость с неоклассической экономикс (Furubotn and Richter, 1998; Ménard and Shirley, 2005). Именно исходя из тесной связи новой институциональной экономической теории со стандартной неоклассической теорией (курсы микро-, макро-экономикс), которая сейчас преподносится российским студентам-

¹ Исключением являются книги (Тарушкин, 2004) и (Львов, 2005).

² Американский историк экономической мысли Джеймс Стенфилд предлагает характеризовать ее как исходная институциональная экономика (Original Institutional Economics) (Stanfield, 1999).

³ Литература в которой труды Густава Шмоллера и Джона Коммонса соотносились бы друг с другом достаточно бедна. В наиболее полном виде это было осуществлено в (Schellschmidt, 1997).

⁴ Вопросы о роли текстов и характере теорий в интерпретативной институциональной экономике, начальные варианты которой развивались Шмоллером и Коммонсом, являются центральными вопросами на которые будут даны ответы в данной статье. Сейчас же лишь заметим, что суждения относительно нее в терминах дихотомий теория - описание, дедукция - индукция являются заведомо ложными.

⁵ К новой институциональной экономической теории применима большая часть критики стандартной экономикс в аутизме [см. (Fullbrook, 2003), (Fullbrook, 2004) и (Fullbrook, 2007)], которую в данной статье мы воспроизводить не будем. В общепринятой клинической психиатрической терминологии термин «аутизм» отражает утрату связи с реальностью.

экономистам в виде базового курса, профессор кафедры Прикладной институциональной экономики Экономического факультета МГУ В.А. Тамбовцев, четко осознавая наличие методологических и политических различий «старой» и «новой» институциональных экономик, считает, что российским студентам нужно преподавать новую институциональную экономическую теорию, а не современный вариант исходной институциональной экономики (Тамбовцев, 2004, с. 29). Одна из целей настоящей статьи состоит в том, чтобы убедить ее читателя в обратном.

Спор о методах (*Methodenstreit*) начатый Шмоллером и Менгером, и который, так или иначе, в области общественных наук, продолжается и сейчас, всегда был связан с политическими ориентациями спорящих. «Институционализм нашел свое место в области политики в желаемом социальном контроле неукротимых сил бизнеса и в содействии правительственной системе социального обеспечения» (Hodgson, 2004, p.248). Организовав Союз за социальную политику (*Verein für Sozialpolitik*) Густав Шмоллер и его сподвижники пробивали путь социальным реформам в Германии (Grimmer-Solem, 2003). Джон Коммонс вместе с другими членами Промышленной комиссии участвовал в разрешении трудовых конфликтов и на основе этого опыта разрабатывал законодательные акты относительно трудовых отношений и социального обеспечения в США (Commons, 1964; Harter, 1962). Американский историк экономической мысли, Филип Миrowsки, пишет по этому поводу следующее: «Коммонс открыто выступал за постепенное улучшение капитализма через государственное вмешательство. Многие из экономических функций правительства США, которые мы сегодня принимаем за само собой разумеющиеся, были делом рук Коммонса и его студентов в первой половине двадцатого века» (Mirowski, 1987, p. 1027). Пристрастия Адама Смита, а затем и Карла Менгера, к механистической и гипотетико-дедуктивисткой методологии Галилея-Декарта-Ньютона тесно связаны с их политическими склонностями к идеологии *laissez-faire*⁶. Конечно для обоснования их методологического выбора большое значение имели успехи естествознания их времени, которое основывалось на этой методологии, но что было определяющим в этом выборе, характер их политического послания⁷ или характер их мировоззрения, определить наверно невозможно. Практически ориентированные Шмоллер и Коммонс не могли работать в рамках механистической и гипотетико-дедуктивисткой методологии, ее неприменимость к сложным социально-экономическим системам была для них очевидна. К счастью в их странах имелись в наличии другие мировоззренческие системы (в Германии – герменевтика, а в США - прагматизм), которыми они и воспользовались. Благодаря этому было положено начало интерпретативной институциональной экономике. В 1897 Шмоллер так противопоставлял свою политическую экономию классической, следующей образцам классического естествознания: «Политическая экономия сегодня пришла к исторической и этической концепции государства и общества, которая противостоит рационализму и материализму. От чистой экономики рынка и обмена, своего рода экономики бизнеса, которая угрожала стать орудием класса собственников, она снова стала великой моральной и политической наукой, которая, кроме производства благ, изучает их распределение, кроме явлений связанных со стоимостью, изучает экономические институты, и которая ставит в центр (сердце) науки, не мир благ и капитала, а снова человека» (Schmoller, 1998, p. 202, 203).

Работая над проблемами обуздания буржуазии в ее отношениях с рабочими, а также улучшения положения трудящихся, Шмоллер и Коммонс были противниками марксистской

⁶ «...laissez-faire легко становится всего лишь другим термином обозначающим защиту институционального статус-кво в интересах тех кому это статус-кво выгодно» (Bromley, 2006, p. 32).

⁷ Адам Смит «лично внес вклад в историю экономической науки и в доминирующее мировоззрение западного мира как выразитель идей свободной торговли, свободы предпринимательства, свободного движения людей и товаров, короче как выразитель идеологии *laissez-faire* и ничем неограниченного рынка. Некоторые могут сказать, что это совсем не то, что входило в его намерения. Без сомнения это не отражает полностью его намерения, однако также без сомнения, что это была важная часть его сложного послания. Назвать его рупором промышленной буржуазии было бы преуменьшить его, однако это было бы по отношению к нему не слишком несправедливо» (Blaug, 1986, p. 235).

политической экономии. Шмоллер считал, что Маркс «не изучает человека, его действия и его институты, но показывает с помощью диалектики и внешне неоспоримых математических формул магию процесса технико-капиталистического производства. Капитал представлен как вампир сосущий кровь рабочих. С точки зрения метода, это шаг назад по отношению к Гегелю, а именно возврат к схоластике (Schmoller, 1998, p. 195)». Трагической ошибкой марксистской политической экономии являлась ее недооценка, а может даже и полное непонимание, роли буржуазии в промышленно развитом обществе. Эта ошибка проистекала от того, что она в значительной степени развивалась в рамках того же самого механистического и гипотетико-дедуктивистского мировоззрения эпохи Просвещения, что и классическая политэкономия, где человеку действующему не было места. Справедливое и эффективное общество это не общество без буржуазии, а общество с реальной демократией, где буржуазия, равно как и связанная с ней часть государственной бюрократии, перестанут идеологически, культурно и политически доминировать все общество, и где формальные и неформальные правила, а также общественная мораль, не дадут им такой возможности. Интерпретативная институциональная экономика может способствовать движению к такому обществу.

На мой взгляд победа неоклассики над интерпретативным институционализмом произошла по трем причинам. Во-первых: после эпохи Просвещения мировоззрение заложенное Галилеем, Декартом и Ньютоном стало доминирующим на Западе (Бринтон, 2003) и от экономиста осмелившегося ради познавательной и социальной эффективности своих исследований отказаться от этого мировоззрения требуется большое мужество и работоспособность в освоении и применении необщепринятых подходов. Во-вторых, так как основой функционирования и воспроизводства научных сообществ является общение (публикации, конференции, лекции и т.д.), то неоклассики в этом отношении имеют колоссальные преимущества перед интерпретативными (прагматическими и герменевтическими) институционалистами. Для первых оно требует намного меньше усилий из-за их простых и унифицированных, универсальных для всех проблем и контекстов, понятий, схем и способов изложения. Наконец, в-третьих, можно предположить, что после завершения с помощью институционалистов изменений⁸, в которых правящие классы были заинтересованы, последние прекращали поддержку первых и переключались на поддержку неоклассиков, идеологически помогающих им сохранить свою доминирующую роль в обществе.

Шмоллер в качестве своих предшественников называет итальянца Ф. Галиани и шотландца Дж. Стюарта (Schmoller, 1998, p. 198). Оба опубликовали свои основные труды до появления «Богатства народов» А.Смита, и в отличие от последнего не содержали идеологизированных теорий, а были посвящены анализу экономических проблем на базе имеющихся данных с целью способствовать их практическому решению. Так, Галиани « всю свою жизнь питал нелюбовь к картезианскому рационализму – попытке вывести вечные истины, верные для всех эпох и всех мест, исключительно из силы разума и нескольких априорных постулатов. Вместо этого он делал упор на эволюционном развитии общества из которого могут быть выведены только исторически относительные истины» (Blaug, 1986, p. 82). В своей книге «Диалоги о хлебной торговле» (Galvani, 1984), опубликованной в 1770 году, он «критикует физиократическую веру в свободную торговлю хлебом не столько вообще, сколько исторически, как политику, которая была неблагоприятной во Франции его времени» (Blaug, 1986, p. 83).

За девять лет до появления «Богатства народов» А.Смита, другой шотландец, Дж. Стюарт, опубликовал книгу «Принципы исследования политической экономии» (Steuart, 1767), которая «базируются на концепции научного знания, в которой теоретическое начало было сознательно подчинено началу практическому: экономика как наука ставилась на службу экономики как искусства. < ... > Стюарт не претендовал на открытие универсальных

⁸ Значительное смягчение классовых конфликтов путем создания государств всеобщего благоденствия (welfare states).

экономических законов, для него важнее было, чтобы степень определенности знания соответствовала природе изучаемого предмета. < ... > В столкновении принципов простоты и сложности победила модель Адама Смита, и экономическая наука стала развиваться преимущественно как наука теоретическая, ориентированная на идеалы и нормы естествознания» (Ананьин, 2006, с. 358 – 361). Смит нанес Стюарту смертельный удар, игнорируя его и, как стало известно из частной переписки, Смит нарочито не ссылаясь на его труд, даже в том случае, когда его аргументы напрямую сталкивались с аргументами Стюарта⁹ (Blaug, 1986, p. 241). При определении политической экономии Джеймс Стюарт отталкивается от исходного значения этого греческого слова: «Экономия в общем есть искусство осторожного и бережного удовлетворения нужд семьи < ... >. И если экономика действует в семье, то политическая экономия – в государстве < ... > Великое искусство политической экономии состоит прежде всего в том, чтобы приспособить различные ее операции к духу, манерам, привычкам и обычаям народа, и после этого повлиять на эти обстоятельства таким образом, чтобы быть в состоянии ввести множество новых и более полезных институтов». Не правда ли мы здесь уже очень близки к исходной институциональной экономике? А вот следующую фразу из того же сочинения 1767 г. было бы полезно прочитать тем, кто проводил экономические преобразования в России в 1990-е годы: «Если рассмотреть разнообразие, которое может быть найдено в различных странах, в области распределения собственности, субординации классов, одаренности народа, процедур различных форм правления, законов, климата и манер, то можно заключить, что политическая экономия в каждой стране должна быть различной, и что как бы универсальны ни были принципы, на практике они могут стать достаточно неэффективными без достаточной подготовки духа народа».

Знакомство с трудами Галиани и Стюарта показывают, что экономическая наука могла выйти на путь интерпретативной институциональной экономики намного раньше Шмоллера и Коммонса. Помешало ей в этом наступающее господство классической парадигмы.

⁹ Заметим, что в настоящее время это излюбленный прием борьбы в научных сообществах с инакомыслящими.

2. Классическая парадигма и эволюция науки

Классическая парадигма уже давно безраздельно господствует в экономической науке. Такие направления экономической мысли как классическая политическая экономия, марксистская политическая экономия¹⁰, кейнсианство, неоклассическая экономика и новая институциональная экономическая теория имеют существенные различия, в том числе и онтологические, но практически неотличимы эпистемологически. Можно сказать, что интерпретативная парадигма, которая противостоит парадигме классической, в настоящее время практически не имеет своих сторонников в сообществах экономистов, так как мировоззрение членов этих сообществ, определено ее противоположностью, классической парадигмой. Укоренение такого мировоззрения в научных сообществах облегчалось тем, что со времен эпохи Просвещения оно становится доминирующим для западного общества в целом (Гарнас, 1995; Бринтон, 2003).

Классическая парадигма берет свое происхождение в классической науке, которая связана с научной революцией (Shapin, 1998; Gribbin, 2003) начатой Галилеем и завершенной Ньютоном. Забегая вперед сразу отметим, что с конца XX-го века эта парадигма рассматривается, как неадекватная для решения современных проблем не только большим числом западных философов и обществоведов, но также и ученых естественников. Среди них много усилий в критическом анализе методологии классической науки сделал И.Р.Пригожин, лауреат Нобелевской премии по химии. Подназвание его совместной с философом И.Стенгерс книги (Пригожин и Стенгерс, 2005) «Новый диалог человека с природой» показывает направление, в котором изменяется современное естествознание.

Родоначальником классической науки и классической парадигмы считается Г.Галилей. Языком общения человека с природой он считал язык математики, так как по его мнению «книга природы» написана на этом языке (Burt, 2003, p. 75; (Котенко, 2005, с. 182, 185). Его твердая вера в математическую структуру мира освобождала его от необходимой зависимости от эксперимента (Burt, 2003, p. 76). «Галилей провозгласил суверенитет причинности в науке. Причинное объяснение природы для него – основная задача исследования <... > Математика, говорит Галилей, раскрывает связь явлений, их причинную обусловленность» (Котенко, 2005, с. 184, 185). Галилей и его последователи были уверены, что наука способна открывать глобальные истины, а так как по их мнению природа записана на математическом языке и этот язык природы единственен, то они считали, что эти глобальные истины могут быть получены путем локального экспериментирования. «Сложность природы была провозглашена кажущейся, а разнообразие природы - укладывающимся в универсальные истины, воплощенные у Галилея в математических законах движения. Убеждение основателей современной науки оказалось необычайно живучем и сохранилось на века» (Пригожин и Стенгерс, 2005, с. 50). Сообщества экономистов настойчиво сохраняют это убеждение применительно к экономической действительности.

¹⁰ « Для поколения, основавшего историческую школу и Союз за социальную политику (1872), особенно для Брентано и Шмоллера, Маркс был прежде всего представителем устаревшей экономической школы (Bruhns, 2004, p. 101)

Другим столпом классической парадигмы является Рене Декарт. Также как Галилей он считал, что математика является единственным ключом, с помощью которого можно открыть секреты природы (Burt, 2003, p.105). Он был уверен, что все, что мы знаем в любой науке, это порядок и измерение вскрываемые в явлениях, которые она изучает, и математика, имеющая дело с порядком и измерением в общем виде, становится таким образом универсальной наукой (Burt, 2003, p. 107). Другими двумя важными элементами его вклада в классическую парадигму являются знаменитые картезианские сомнения и дуализм. Декарт предлагал сомневаться во всем так как, с одной стороны, чувствам доверять нельзя, ведь они иногда нас обманывают, а с другой стороны людям верить также нельзя, потому что среди них имеются такие, которые ошибаются в рассуждениях, относящихся даже к простейшим предметам геометрии (Декарт, 1998, с.31). В соответствии с картезианским дуализмом один мир состоит из огромной протяженной в пространстве математической машины, а другой мир - из непротяженных мыслящих душ (Burt, 2003, p.121). «Согласно Декарту, мышление не зависит от реального мира, а достоверное знание нельзя почерпнуть из опыта» (Котенко, 2005, с. 219).

В своем труде «Рассуждение о методе» Декарт предложил четыре правила, которым должно следовать каждое исследование: «Первое – никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, иначе говоря, тщательно избегать опрометчивости и предвзятости, включать в свои рассуждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать их сомнению. Второе – делить каждое из исследуемых мною затруднений на столько частей, сколько это возможно и нужно для лучшего их преодоления. Третье – придерживаться определенного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых и восходя постепенно к познанию наиболее сложного, предполагая порядок даже и там, где объекты мышления вовсе не даны в их естественной связи. И последнее – составлять всегда перечни столь полные и обзоры столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений» (Декарт, 1998, с.21). Смысл первого правила можно понять из пояснения сделанного Декартом в другом его произведении - в «Метафизических размышлениях». Для него понимать определенные вещи «ясно и отчетливо» означает «их рассматривать как объекты математических доказательств» (Декарт, 1998, с.128). Второе правило стоит у истоков положения классической парадигмы в возможности и необходимости выведения понимания целого из понимания частей. Третье правило породило догму классической парадигмы необходимости восхождения от простого к сложному. Неадекватность первых трех правил сложным живым и социальным системам делает неприменимым к ним и четвертое правило.

Негативные последствия такого рода мышления были и остаются значительными: «Картезианство разрушило баланс, который должна поддерживать истинная наука : баланс между мышлением и наблюдением, дедукцией и индукцией, воображением и здравым смыслом, размышлением и действием, разумом и страстью, абстрактным мышлением и реализмом, миром внутри и миром вовне рассудка. Под воздействием картезианства, вторые элементы в названных парах были пожертвованы первым < ... > Декартовские эпистемологические размышления открыли эру аксиоматического, неисторического, дедуктивного мышления < ... >» (Mini, 1994, p. 39). Картезианский дуализм с его разделением знания от действия, объекта от субъекта, факта от оценки, теории от практики служит эпистемологическим основанием неоклассической экономики (Bush, 1993, p. 65).

Основатель американского варианта философии интерпретативной парадигмы, прагматизма, Ч.С.Пирс, понимал исторический контекст появления картезианства: «Когда Декарт приступил к преобразованию философии, самым первым шагом было теоретическое допущение скептицизма и отказ от практиковавшейся схоластами опоры на авторитет как на истину в последней инстанции. Затем он занялся поиском более естественного источника истинных принципов и счел, что нашел его в человеческом уме; таким образом, он прямым путем перешел от метода авторитета к априорному методу» (Пирс, 2000, с. 267). Априорный метод

построения умозрительных теоретических конструкций, занимающий важное место в классической парадигме, в настоящее время является по существу основным методом в сообществах экономистов. Пирс считал, что «машина ума может только трансформировать знание, но отнюдь не порождать его, если она не кормится данными наблюдения <... >». Анализируя определения, невозможно узнать ничего нового. Тем не менее наши уже существующие верования могут быть приведены в порядок при помощи этого процесса» (Пирс, 2000, с. 268-9). Что касается знаменитого картезианского сомнения, то Пирс думает об этом следующее: «Верно, что в ходе своих исследований человек может найти некий повод для сомнения в том, во что он верил. Но в этом случае он сомневается потому, что имеет для этого некий положительный повод, а не потому, что следует картезианской максиме. Давайте же не будем делать вид, будто бы мы в философии [науке] сомневаемся в том, в чем не сомневаемся в глубине души» (Пирс, 2000, с. 49).

Априоризм Галилея и Декарта был несколько смягчен Исааком Ньютоном, который завершил построение классической парадигмы. «Свою научную программу Ньютон называет «экспериментальной философией», подчеркивая при этом, что в исследованиях природы он опирается на опыт, который затем обобщает при помощи метода индукции» (Котенко, 2005, с. 238). В этом отношении Ньютон, как и другие ведущие умы середины 17-го века, по-видимому находился под влиянием Фрэнсиса Бэкона (Burt, 2003, p. 125, 126). Согласно Ньютону эксперименты и их проверки должны сопровождать каждый шаг объяснительного процесса. В отличие от Галилея и Декарта, он видел четкую разницу между математическими и физическими истинами. Для познания последних нередко нужно либо расширять математику или удовлетворяться менее достоверными методами. Он явно видел преимущества экспериментов над методом дедукции из априорных предположений (Burt, 2003, p. 212-16). Его экспериментально-математический метод может быть представлен в виде трехшаговой процедуры:

- 1) Упрощение явлений экспериментами таким образом, чтобы их характеристики менялись количественно и чтобы эти изменения можно было четко определить и измерить;
- 2) Выработка математических предложений, обычно с помощью специального исчисления, которые выражали бы математически найденные связи;
- 3) Проведение дополнительных экспериментов чтобы (а) проверить применимость этих выводов (дедукций) для новых областей и сведение их к наиболее общей форме, (б) в случае более сложных явлений выявить присутствие и определить значение дополнительных причин, и наконец, (в) если природа таких дополнительных причин остается неясной, расширение используемого математического аппарата с тем, чтобы трактовать их более эффективно (Burt, 2003, p. 221-22).

Господствующее сейчас понимание «научного метода», с применением которого и связывается понимание «научности» того или иного исследования, мало чем отличается от только что описанного (Сачков, 2002). Читатель-экономист легко распознает в выше приведенном описании ньютоновского метода метод принятый в современной экономической науке (Блауг, 2004; Орехов, 2006; Friedman, 1953). Крупный специалист в области философии науки и теории познания, Л.А.Микешина считает, что стандартная концепция научного знания¹¹, до сих пор широко распространенная среди ученых, есть не

¹¹ Л.А.Микешина так описывает основные позиции этой концепции: «Мир природных явлений рассматривается как реально существующий и объективный, его характеристики не зависят от предпочтений наблюдателя и могут быть описаны достаточно точно. Цель науки – точное и тщательно разработанное описание и объяснение объектов, процессов и взаимосвязей, накопление истинных знаний о внешнем мире. Основные эмпирически повторяющиеся явления могут быть выражены в виде универсальных и «единообразных» законов природы, говорящих о том, что происходит всегда и повсюду. Надежность фактуального знания высоко гарантирована, наука создала жесткие, не имеющие отношения к личности познающего, критерии, посредством которых оценивается новое эмпирическое знание, не зависящее от субъективных факторов – предубежденности, эмоций или личной заинтересованности, которые могли бы исказить восприятие учеными внешнего мира. Присутствующие в научном знании абстрактные обобщения играют важную роль, поскольку объясняют эмпирические знания, но необходимо

что иное, как «самосознание классической науки» и «покоится, по существу, на предпосылках созерцательного материализма и эмпиризма, поскольку исходит из необходимости «снять» эффекты присутствия и активной деятельности субъекта, считая их препятствиями на пути к объективно истинному познанию. Стандартная концепция отождествляет себя с наукой как таковой и не подвергает рефлексии свои предпосылки и основания, полагая их фундаментальными и единственно возможными. Но сегодня она вызывает очень много вопросов и возражений» (Микешина, 2005, с. 168).

Сейчас все большее число философов, обществоведов и ученых естественников отказываются от ньютоновской классической парадигмы науки, в том числе и от ее определения на основе так называемого научного метода. В книге, название которой говорит само за себя, «Смерть Ньютона», коллектив авторов, среди которых более половины являются специалистами в области естественных наук, выступают с резкой критикой ньютоновской классической парадигмы науки и указывают на ее опасность для человека, общества и их природной среды. Вот, что пишет в этой книге Аугусто Форти, -директор европейского бюро науки и техники ЮНЕСКО: «На пороге XXI-го века, успех метода, который смог привести западное общество на уровень современного благосостояния, видится компрометированным. Мы отдаем себе отчет в том, что кризис ценностей – продукт высокомерного ньютоновского разума - становится все более острым. С одной стороны этот кризис ведет к все большему разрушению природы, а с другой стороны, к приходящему в упадок общественному порядку. Это особенно заметно в менее развитых странах, которые для своего развития применили механистические методы и принципы (рационализм, индустриализация, планирование), но и в индустриально развитых странах такие явления как рост безработицы, потребления наркотиков и насилия являются признаками негодности институтов, как это имело место при падении восточно-европейских социалистических режимов. Удивительное продвижение естественных наук в течении последних двух столетий обязано прежде всего успеху ее практических применений. Наука все более объединяется с техникой и все менее озадачена пониманием истинной глубокой природы нашего бытия. < ... > Нам нужно новое видение мира, мы должны определить новую роль для науки и философии в нашем кризисном обществе. < ... > Новая научная парадигма и новое видение мира возникающие из этого кризиса еще не усвоены обществом в своем экономическом, политическом и социальном поведении, равно как и тот факт, что признание теорий (следование теориям) Ньютона слишком задержалось. < ... > Конечно, если мы хотим выжить в мире постоянных и быстрых изменений, нам нужно знать парадигмы новой науки и забросить убежденности Ньютона и его эпигонов. Сегодняшняя Россия является конечно наиболее разительным примером провала детерминисткой экономики ньютоновского типа, но имеются и другие регионы, где царствует экономоцентризм» (Forti et al., 1996, 17 - 19).

Ф.Люрса, физик-исследователь и почетный профессор одного из парижских университетов, назвал свою книгу «От науки к невежеству», в которой он анализирует кризис современной науки, в том числе физики. Автор считает, что нужно было бы признать, что физика вышла за пределы своих старых метафизических принципов, необходимо критиковать эти принципы и идти вперед: «Отказ от пересмотра этих принципов или неспособность начать такой пересмотр, привели к кризису физики: не к бесплодности или остановке исследований, но к спаду понимания, который компрометирует отношения между физикой и культурой в целом. В тоже время, чем больше старые принципы теряли их рациональную основу, тем больше расширялась их амбиция. Никогда еще раньше такая

проводить фундаментальные различия между теоретическими законами, которые имеют дело с ненаблюдаемыми сущностями и могут пересматриваться, и законами на основе наблюдения, которые не пересматриваются никогда. Если теоретические рассуждения допускают некоторую зависимость от культуры и истории, то эмпирические данные не должны быть зависимыми от общества и культуры. Содержание научного знания определяется природой физического мира и не зависит от социального происхождения науки в целом » (Микешина, 2005, с. 167-68).

старая идея как взять физику в качестве модели для изучения человека не применялась с таким рвением. Никогда еще эта идея не имела таких губительных последствий. Авторитет науки служит оправданию трусливому подчинению приливам и отливам истории, рассматриваемым как естественные, аналогичные независимым от человека природным явлениям. < ... > Научная и философская мысль почти полностью опустила руки перед детерминизмом, в то время как комментаторы и ученые сохраняют молчание перед этой покорностью и перед ее ужасными моральными и политическими последствиями. < ... > демократические общества политически полагают, что они состоят из свободных людей, но ставят в центр их цивилизации науки, которые предполагают опровергнуть самое понятие свободы» (Lurçat, 2003, р. 22, 104). Люрса утверждает, что остановить падение от науки к невежеству можно, если ученые будут понимать, что они делают. При этом «понимать» не означает просто шаг за шагом обеспечивать связность рассуждений, но также устанавливать связи между научными абстракциями и миром жизни (Lurçat, 2003, р. 109).

В своей книге Пригожин и Стенгерс приводят мысль А.Койре (Koyré, 1968), который следующим образом характеризует негативные последствия классической парадигмы: «Но есть и нечто такое, за что ответственность может быть возложена на Ньютона или, точнее, не на одного Ньютона, а, на всю современную науку, - раскол нашего мира на два чуждых мира. < ... > современная наука разрушила барьеры, отделявшие небо от Земли, объединила и унифицировала Вселенную. Но опрокидывая барьеры, наука подменила наш мир качества и чувственного восприятия, мир, в котором мы живем, любим и умираем – миром количества, воплощенной геометрии, миром, в котором, хотя он и вмещает в себя все, нет места для человека. Так мир науки – реальный мир – стал отчужденным и полностью оторванным от мира жизни. Наука не в состоянии не только объяснить этот мир, но даже оправдаться, назвав его «субъективным»» [Цит.: по: Пригожин и Стенгерс, 2005, р. 42]. Прочитав этот анализ, сторонники нового диалога человека с природой пишут следующее: «наука, о которой говорит Койре, не является более нашей наукой, и отнюдь не потому, что нас ныне занимают новые, недоступные воображению объекты, более близкие к магии, чем к логике, а потому, что мы как ученые начинаем нащупывать свой путь к сложным процессам, формирующим наиболее знакомый нам мир – мир природы, в котором развиваются живые существа и их сообщества. Мы начинаем выходить за пределы того мира, который Койре называет «миром количества¹²», и вступаем в «мир качества», а значит, и в мир становящегося, возникающего» (Пригожин и Стенгерс, 2005, с. 43). Если даже оставаться исключительно в рамках естествознания, то уже возникновение в XX-ом веке неклассической науки (квантовая механика и теория относительности) поставила под сомнение универсальность и эффективность классической парадигмы сформулированной Ньютоном в XVII-ом веке. В выше приведенной цитате Пригожин и Стенгерс говорят о возникновении новой постнеклассической науки, которая совсем не укладывается в классическую парадигму, а большая часть экономистов и не думает из нее выходить, ощущая себя очень комфортно в созданном им мире априорных умозрительных теорий, очень далеких от реальной жизни.

Идею периодизации развития науки как науки классической, неклассической и постнеклассической выдвинул академик Вячеслав Семенович Степин. *Классическое* естествознание по нему основано на идеях механицизма, его изучаемые объекты состоят из небольшого числа элементов и свойства объекта в целом выводятся из свойств составляющих его элементов. Познание осуществляется путем наблюдения и экспериментирования с этими объектами, которые раскрывают свои тайны познающему разуму, полностью дистанцированному от объекта исследования. Последнее рассматривается как абсолютно необходимое условие получения достоверного объективного знания. Период *неклассического* естествознания начинается с конца XIX века и заканчивается в середине XX века. В этот период возникает и развивается теория относительности, квантовая механика, генетика,

¹² Один из лидеров Новой институциональной теории по-прежнему считает, что основной целью науки является измерение (Ménard, 2001).

кибернетика и теория систем. В этот период происходит отказ от идеала единственно истинной теории, допускается истинность нескольких конкурирующих теорий относительно одного и того же объекта. Проведение четкого водораздела между объектом и субъектом исследования размывается и принимаются такие типы объяснения и описания, которые содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности. Объектами исследования становятся сложные многоэлементные системы с уровневой организацией, массовым стохастическим взаимодействием между элементами, с управляющим уровнем и обратными связями, что обеспечивает целостность системы. Свойства систем не сводятся к свойствам ее элементов. Претерпевает изменение и понятие причины (Степин, 2003).

С последней трети XX века начинается период *постнеклассической науки*. Этот период определяют комплексные исследовательские программы междисциплинарного типа. Происходит сращивание теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний. Следующую цитату из книги В.С. Степина, если оставить в стороне новейшую специальную терминологию, можно было бы принять за высказывания Шмоллера или Коммонса, а ведь Степин имеет здесь ввиду прежде всего постнеклассическое естествознание: «Объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся уникальные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Такого типа объекты постепенно начинают определять и характер предметных областей основных фундаментальных наук, детерминируя облик современной, постнеклассической науки. Исторически развивающиеся системы представляют собой более сложный тип объекта даже по сравнению с саморегулирующимися системами. Последние выступают особым состоянием динамики исторического процесса, своеобразным срезом, устойчивой стадией его эволюции. Сама же историческая эволюция характеризуется переходом от одной относительно устойчивой системы к другой системе с новой уровневой организацией элементов и саморегуляцией. Формирование каждого нового уровня системы сопровождается ее прохождением через состояния неустойчивости (точки бифуркации), и в эти моменты небольшие случайные воздействия могут привести к появлению новых структур. Деятельность с такими системами требует принципиально новых стратегий. Саморазвивающиеся системы характеризуются кооперативными эффектами, принципиальной необратимостью процессов. Взаимодействие с ними человека протекает таким образом, что само человеческое действие не является чем-то внешним, а как бы включается в систему, видоизменяя каждый раз поле ее возможных состояний. Включаясь во взаимодействие, человек уже имеет дело не с жесткими предметами и свойствами, а со своеобразными «созвездиями возможностей». Перед ним в процессе деятельности каждый раз возникает проблема выбора некоторой линии развития из множества возможных путей эволюции системы. Причем сам этот выбор необратим и чаще всего не может быть однозначно просчитан» (Степин, 2003). Вряд ли Менгер согласился бы со следующей трактовкой науки: «Именно идеи эволюции и историзма становятся основой того синтеза картин реальности, вырабатываемых в фундаментальных науках, которые сплавляют их в целостную картину исторического развития природы и человека и делают лишь относительно самостоятельными фрагментами общенаучной картины мира. Ориентация современной науки на исследование сложных исторически развивающихся систем существенно перестраивает идеалы и нормы исследовательской деятельности. Историчность системного комплексного объекта и вариабельность его поведения предполагают широкое применение особых способов описания и предсказания его состояний – построение сценариев возможных линий развития системы в точках бифуркации» (Степин, 2003).

3. Классическая парадигма и институциональная экономика

Важным элементом ньютоновской классической парадигмы является эксперимент. На первый взгляд может показаться, что тем самым произведен полный разрыв с картезианским априоризмом. Но это не так. По выражению Пригожина и Стенгерс ученые ведут с природой некий экспериментальный диалог. Но этот диалог в рамках классической парадигмы полностью пронизан картезианством: «экспериментальный диалог соответствует в высшей степени специфической процедуре. Природа, как на судебном заседании, подвергается с помощью экспериментирования перекрестному допросу именем априорных принципов. Ответы природы записываются с величайшей точностью, но их правильность оценивается в терминах той самой идеализации, которой физик руководствуется при постановке эксперимента. Все остальное считается не информацией, праздно болтовней, вторичными эффектами, которыми можно пренебречь» (Пригожин и Стенгерс, 2005, с.48). Таким образом диалог с природой ведется на языке выбранной им теории. «Каков бы ни был ответ природы – «да» или «нет», - он будет выражен на том же теоретическом языке, на котором был задан вопрос» (с. 49). При этом «праздная болтовня» и «вторичные эффекты» в действительности могут оказаться ключом к новым открытиям, но это не принимается во внимание. При таком построении эксперимента он по существу сводится к тестированию некоторой априорной теории. Методологи экономической науки понимают картезианский характер такого тестирования: «Первым шагом в тестировании научной теории являлся вывод некоторых эмпирических предсказаний из теории и ее начальных условий. Вторым шагом была проверка соответствия этих предсказаний наблюдаемой очевидности; если эмпирические предсказания осуществляются, то теория подтверждается и если эти предсказания не осуществляются, то теория не подтверждается. В обоих случаях, это не было индукцией, а скорее эмпирической поддержкой дедуктивных последствий научной теории. < ... > Гипотетико-дедуктивный метод позволяет научным теориям быть «основанными на» эмпирических наблюдениях (дедуктивно) без того, чтобы быть действительно «построенными исходя из» наблюдений (индуктивно)» (Davis, Hands and Maki, 1998 p. 376). Таким образом реализм исследования ставится в зависимость от априорного «угадывания» реалистичной теории. В случае исследования простых систем, которые и являлись объектами изучения в классической физике, такое «угадывание» оказалось возможным. Для более сложных систем такое угадывание становится очень проблематичным. Что касается роли таких экспериментов в подтверждении теорий, то как отмечал Карл Поппер, она не велика, по его мнению такие эксперименты могут помочь опровергнуть (фальсифицировать) теорию, но никак не подтвердить ее (Поппер, 2004).

Применительно к объектам экономической науки, которые безусловно просто не могут быть простыми, априорные теории совсем не имеют шансов служить базой для понимания экономических явлений и никакие их «тестирования» здесь не помогут: «Оторванный от наблюдения как *источника* истины, картезианский разум, для того чтобы подтвердить свой реализм, придает большое значение «тестированию». Но тестирование не является гарантией верных идей, так как потеряв свою швартовку к реальности,

экономический разум создал столько загадок, головоломок и чисто умозрительных конструкций, что тестирование доказывает все и ничего» (Mini, 1994, p. 41). Но даже такое слабое смягчение картезианства, которое осуществил Ньютон, не по вкусу значительной части экономистов. В сообществах экономистов эмпирические исследования не в почете и практикуются редко. Новая институциональная теория, сторонники которой без всяких оговорок могут быть отнесены к классической парадигме, не является исключением: «В нашей области налицо недостаток эмпирической работы < ... > Когда Ли Элстон, Трайн Эггерстон и я работали над книгой, в которой хотели собрать эмпирические исследования в рамках новой институциональной экономики, у нас были большие трудности найти достаточное число таких исследований. И все потому, что их просто было мало сделано» (North, 2000, pp. 8, 9).

В каком то смысле навязывание физиками своего языка природе в экспериментальном диалоге с ней является неизбежным, так как они изучают неживую природу, у которой нет и не может быть своего языка в прямом, а не в метафорическом, смысле этого слова. Однако ситуация совершенно другая у гуманитарных и общественных наук, к которым принадлежит и экономическая наука. Они имеют дело, или по крайней мере должны иметь дело, с живыми людьми, общение с которыми может и должно происходить на языке понятным им, а не на языке априорных теорий. Однако экономисты настойчиво продолжают не замечать этого и подчиняясь естественнонаучной традиции (классической парадигме) утверждают, что «теория это способ которым мы воспринимаем (perceive) «факты» и мы не можем воспринимать (perceive) «факты» без теории» (Friedman, 1953, p. 34). *Такая методология приводит к тому, что исследователь остается слеп ко всему, что не вмещается в его теоретическую схему и таким образом путь к пониманию исследователем чего-то совершенно нового остается отрезанным.*

Сразу отметим¹³, что просто наблюдая за поведением людей, или даже слушая, что они говорят, нам редко удастся проникнуть в суть их деятельности. Это происходит потому, что «основой действия – его отправной точкой – на всех этапах процесса является органический комплекс мысленных привычек, которые были сформированы прошлым процессом» (Veblen, 1990, p. 77). Для выявления и понимания этих привычек необходимо вступить с ними в непосредственный вербальный контакт или (и) изучить тексты в которых эти привычки зафиксированы. Другими словами фактами здесь являются верования (идеи и ценности) и правила поведения (формальные и неформальные) на них основанные, или по крайней мере с ними связанные, участников (акторов) экономической деятельности. Воспринять (выявить) эти факты можно анализируя дискурсы этих акторов. Шмоллер и Коммонс считали анкеты и интервью важнейшими источниками информации для экономической науки (Schmoller, 1998, p. 287; Commons, 1990, p. 106). Интервью записанное для его анализа превращается в текст (транскрипт). Исследователи могут (и должны) использовать и уже готовые тексты для анализа дискурсов акторов. Такими текстами могут быть всевозможные политические (программы партий, выступления их лидеров и т.п.) и юридические (законы, указы, постановления и т.п.) документы.

В первом разделе мы говорили о двух институциональных экономиках. Существует также и третья, или лучше сказать третьи институциональные экономики. Это два французских направления, теория регуляций (Boyer et Saillard, 1995; Boyer, 2000, Буайе, 1997; Billaudot, 2001) и теория конвенций (Orléan, 1994; Salais et al, 1998), а также институциональная экономика, тяготеющая к старой (исходной) онтологически, но полностью порвавшая с ее эпистемологической традицией, которая особенно четко была представлена Коммонсом. Такие «сторонники» исходной институциональной экономики объединены в Ассоциацию за эволюционную экономику (Association for Evolutionary Economics) с журналом Journal of Economic Issues, издаваемом в США. В Европе с 2005 г. стал выпускаться Журнал институциональной экономики (Journal of Institutional Economics)

¹³ Положения только кратко упоминаемые в этом параграфе будут подробно развиты в последующих разделах этой статьи.

того же направления. Сторонники этих институциональных экономик¹⁴ разделяют точку зрения Фридмана. Дж. Ходжсон, один из самых плодовитых авторов на тему институциональной экономики, главный редактор "Журнала институциональной экономики", в эпистемологическом плане занимает ту же позицию, что и Фридман: «Собственно на любых познанных объективных фактах лежит отпечаток предвзятой точки зрения исследователя. Факты выражаются посредством той или иной формы языка, беспонятийный и свободный от теорий язык невозможен» (Ходжсон, 2003, с. 72-3). О каком языке говорит здесь Ходжсон? Если это язык дискурса акторов, то он обычно свободен от языка априорной теории с помощью которой исследователь, сторонник, например, новой институциональной экономической теории, и таких ее частей как теория транзакционных издержек или теория прав собственности, проводит свое исследование¹⁵. Язык дискурса акторов полон теорий, но это не теории исследователя (субъекта исследования), а теории (верования) исследуемого (объекта исследования), и важнейшей задачей исследователя является выявление этих верований на основе анализа (интерпретации) дискурсов акторов, так как именно они лежат в основе правил, которыми они следуют в своем поведении. В интерпретативной парадигме, ведя интервью или изучая документы, исследователь пользуется языком акторов и интерпретирует его пытаясь понять смыслы лежащие в их дискурсах, а не навязывает объекту исследования свой язык, как это происходит в классической парадигме.

Сам не проводя эмпирических институциональных исследований и обвиняя старый институционализм, Ходжсон попадает в ловушку классической парадигмы, говоря даже об остаточной значимости эмпирических свидетельств (Ходжсон, 2003, с.87). Его аргументы против методологии Шмоллера и Коммонса, которым он приклеивает ярлык эмпиризма, полны противоречий и софизмов и демонстрируют полное незнание процессов исследования реальных проблем экономики человеком, живущим в мире абстракций и не мотивированным добывать и нести обществу понимание этих реальных проблем¹⁶. Причину «упадка» старого институционализма он видит следующим образом: «Установив значимость институтов, рутин и привычек, он начал придавать особую ценность описаниям природы политико-экономических институтов и их функций. ... Роковым заблуждением были настойчивые требования ограничиться описательным «реализмом» и собирать как можно больше информации, либо же создавать как можно более детальные картины конкретных экономических институтов» (Ходжсон, 2003, с. 53). Д. Коммонса, наиболее последовательного сторонника интерпретативного варианта старой институциональной экономики, которого Ходжсон считает слабым теоретиком, (Hodgson, 2003; 2004), никак нельзя назвать простым сборщиком данных. Его исследования генезиса капитализма (Commons, 1995) или становления трудовых отношений в США (Commons and Andrews, 1967) были основаны на интерпретации дискурсов акторов, отраженных в документах или услышанных непосредственно (из интервью и слушаний о трудовых конфликтов). Это дало

¹⁴ Среди отечественных институционалистов, которые не будучи сторонниками новой экономической теории, верят в возможность существования универсальных социальных теорий и считают необходимым их явное применение в любом конкретном исследовании, можно назвать С.Г. Кирдину. Она уверена, что «выбор и предъявление адекватной теории (теорий), используемой в качестве фундаментального обоснования при анализе и прогнозе ситуации» должен предшествовать «процессу экономической диагностики» (Кирдина, 2004, с. 190).

¹⁵ Немногочисленные примеры применения новой институциональной экономической теории к исследованию российской действительности недавнего (Андрефф, 2005) и относительно далекого (Ковалев и Латов, 2000) прошлого демонстрируют ее полное фиаско в понимании этой действительности, проистекающее от ее априористского подхода. Примером исследований тех же вопросов, что и в указанных публикациях, но в рамках интерпретативной парадигмы могут служить мои публикации (Yefimov, 2001b) и (Yefimov, 2003).

¹⁶ Сам он посвятил себя оттачиванию определений, и прежде всего понятия института. Напомним по этому поводу высказывание Чарльза Пирса, которое мы уже приводили ранее: «Анализируя определения, невозможно узнать ничего нового».

понимание и помогло проведению ряда институциональных реформ в США начала прошлого века.

Аналогичные обвинения в эмпиризме Ходжсон адресует и немецкой исторической школе. В своей книге «Как экономическая теория забыла историю» (Hodgson, 2001) Ходжсон проявил свое полное непонимание методологии этой школы. Не случайно, что при многочисленных ссылаках на Шмоллера в этой книге нет ссылки на его основной методологический труд, первоначально опубликованный в 1893 г. и в расширенном, пересмотренном варианте в 1911 г. (Schmoller, 1911)¹⁷.

Итак по отношению к американскому институционализму, т.е. старой институциональной экономике, и немецкой исторической школе были созданы мифы, о якобы их чистой описательности и неспособности произвести экономические теории. Действительно это так, если под теорией понимать исключительно картезианско-ньютоновский тип теории в рамках классической парадигмы. Однако, как уже было показано в предыдущих разделах статьи, такой тип теории перестает работать для более-менее сложных систем, а все социально-экономические системы являются безусловно сложными системами.

¹⁷ Приведем некоторые строки из этого произведения: «Немецкая наука всегда полагала, что наблюдение и описание не составляют всю науку, а являются только подготовкой к получению общих истин. Эта наука просто считала, и в этом была права, что без эмпирической базы <... > невозможны ни прочная индукция, ни надежная дедукция»; «Исторические документы, как и всякое хорошее наблюдение и описание, служат для иллюстрации и проверки теоретических положений, помечая пределы, в которых отдельные истины являются верными, и более того, с помощью индукции помогают придти к новым истинам. Особенно это касается самых сложных областей экономических теорий, где мы можем двигаться вперед только опираясь на исторические исследования»; «Описания экономической истории, как и общей истории, в той части, которая касается экономики, не являются экономическими теориями, а представляют собой материалы для их построения. Конечно, чем более полно описание, чем больше происходящее развитие в них объяснено, тем больше данные исторического описания могут служить для разработки теории и привести к общим истинам».

4. Науки о культуре и интерпретативная парадигма

И американский институционализм и, особенно, немецкая историческая школа рассматривали экономическую науку как одну из наук о культуре. Недаром составитель недавно изданного сборника методологических работ Шмоллера назвал его «Историко-этическая национальная экономика как наука о культуре» (Schmoller, 1998). Верования (идеи и ценности) и правила поведения (формальные и неформальные) являются культурными явлениями. Именно потому, что экономические явления представляют собой явления культурного типа, экономическая наука не может выработать универсальные теории вне координат времени и места, т.е. теорий верных для любого исторического и географического контекстов. Шмоллер был не одинок следуя такому подходу, он был характерен для всего сообщества немецких обществоведов конца XIX начала XX веков. Прерывание этой традиции легитимировалось с помощью навешивания таких ярлыков, как эмпиризм, описательство, индуктивизм, отсутствие теорий и т.п. Порыв с этой традицией осуществлялся путем ее игнорирования, забвения и/или искажения, отсутствия переводов трудов немецких авторов на другие языки. Другим методом порыва с этой традицией в экономике было и есть объявление экономистов, носителей этой традиции, не экономистами, а социологами. Так произошло с Максом Вебером¹⁸, замолчать которого труднее остальных, так как практически все его труды переведены на английский и другие языки¹⁹. Не будет особым преувеличением сказать, что сегодня творчеству Вебера практически нет места в истории экономической мысли. Однако сам он всегда считал себя прежде всего экономистом²⁰ и работал как профессор исключительно на экономических кафедрах (Bruhns, 2004, с.183-4). В основном можно согласиться со следующей характеристикой творчества Макса Вебера : « Вебер хотел скорректировать историзм исторической школы, объективизм марксистской школы и психологизм маржиналистской школы, связывая экономическую теорию с теорией культуры для того чтобы создать «политическую экономию», которая переплავила бы связь, которая в его глазах стала проблематичной, между исторической работой, теоретической работой и работой практической. На базе этого синтеза, обозначенного Вебером еще до 1890 г. в своих лекциях как «социально-экономический подход», он разработает ядро понимающей социологии, воспринимаемой им как науку о культуре (*Kulturwissenschaft*) предназначенную понять значение современного капитализма » (Nau, 1997, p. 225).

Если воспользоваться терминологией Куна (Кун, 2002), то экономическую науку Новой исторической школы можно назвать нормальной наукой в Германии конца XIX начала XX веков. Макс Вебер был активным членом сообщества экономистов Новой исторической школы в течении многих лет возглавляемой Густавом Шмоллером (Koslowski, 1997). Вебер был членом шмоллеровского Союза за социальную политику (Verein für Sozialpolitik). «В обстоятельном исследовании, которое насчитывало около 900 страниц, относительно условий сельскохозяйственных рабочих к востоку от Эльбы, исследовании проводимом в 1890 г. под эгидой Союза, Вебер выявляет конфликтующие интересы новой

¹⁸ Своей славе как социолог Вебер обязан в значительной степени влиятельному американскому социологу Толкотту Парсонсу, который посвятил много места обсуждению введенных им понятий в своей центральной книге « Структура социального действия » (Парсонс, 2000).

¹⁹ Что касается трудов Шмоллера, то на английский язык была переведена только одна его небольшая книга (Schmoller, 1989). Его основной методологический труд (Schmoller, 1911) был в свое время переведен на английский язык, но этот перевод так и не был опубликован. Напротив, были опубликованы русский, французский и итальянский переводы этой работы.

²⁰ Только с 1909 году, т.е. за 11 лет до своей смерти Вебер, продолжая быть экономистом, стал называть себя также и социологом (Митютин, 2006, с.15).

немецкой нации с одной стороны, и тех из юнкеров, с другой стороны, чей экономический упадок был вызван импортом дешевого американского зерна. Власть юнкеров росла, особенно после падения Бисмарка, так как они были основой власти и бюрократии и армии, и как таковые, являлись основными столпами нового государства» (Eliason, 2002, p. 89). Позже Вебер участвовал и в других «полевых» исследованиях касающихся положения рабочих (Eliason, 2002, p. 90-1). Как член сообщества экономистов исторической школы, Вебер отстаивал свое понимание методологии экономической науки полемизируя с представителями старой исторической школы в экономике Карлом Книсом²¹ и Вильгельмом Рошером (Weber, 1975) и с самим Густавом Шмоллером (Вебер, 2006, с. 423-6). Как член сообщества немецких обществоведов исторической ориентации, Макс Вебер продвигался к своей концепции понимания (*Verstehen*) социально-культурно-экономических явлений полемизируя с правоведом Рудольфом Штаммлером (Stammler, 1977) и основываясь «во всех существенных вопросах» (Вебер, 2006, с. 320) на идеях Вильгельма Виндельбанда (1995), Георга Зиммеля (1995) и Генриха Риккерта. Социальные философы Риккерт (1995, 2000) и Дильтей (1995, 2000), входившие в состав этого сообщества, настаивали на необходимости принимать во внимание специфику человека, как объекта исследования и отвергали слепое следование в гуманитарных и общественных науках естественно-научной традиции.

Теоретические построения Вебера не являются априорными дедуктивными конструкциями, а вытекают из его «полевых» исследований в Германии и его исследований по античной аграрной истории (Вебер, 2001), а также исследований связей между религией и хозяйством, например, в Китае (Weber, 1968), которые основывались как на трудах историков, так и на изучении документов отражающих дискурсы. Наиболее известной работой Вебера является его «Протестантская этика и дух капитализма». В ней он проводит анализ дискурса Бенджамина Франклина как выразителя духа капитализма и текстов Мартина Лютера, Жана Кальвина и других деятелей Реформы отражающих источник этого духа. На основе этого анализа (интерпретации) он делает выводы не только об условиях генезиса капитализма, но и дает ключ к пониманию того, почему однотипные формальные правила дают разные эффекты применительно к сообществам разделяющих разные верования (идеи и ценности). Важнейшим теоретическим и методологическим вкладом Вебера в развитие интерпретативной парадигмы является его понимающая социология. В предыдущем разделе статьи было приведено высказывание Веблена, о том, что основой действия – его отправной точкой – является органический комплекс мысленных привычек, которые были сформированы ранее²². То, что Веблен обозначил, как «органический комплекс мысленных привычек», Вебер определил, как субъективный смысл. По Веберу, действие – это «понятное отношение к «объектам», то есть такое, которое специфически характеризуется тем, что оно «имело» или предполагало (*субъективный*) *смысл*, независимо от степени его выраженности» (Вебер, 2006, с. 378). Поведение каждого актора соотносится по субъективно предполагаемому им смыслу с *поведением других* людей, оно *определено* этим его осмысленным соотношением и, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно *объяснено* (Вебер, 2006, с. 378). Леонид Григорьевич Ионин называет этот субъективный смысл «прокладкой» между действием как эмпирическим фактом и его эмпирической средой. По Ионину, эта «прокладка», которая обеспечивает субъективную интерпретацию, истолкование и понимание эмпирической реальности действия, и есть главный конституирующий фактор социального (Ионин, 2004, с. 73). «Если это так, то социология, которая видится Веберу, не может стоять в одном ряду, как это думал Конт, с физикой, биологией и другими естественнонаучными дисциплинами. Она не может, как это считал Дюркгейм, *исходить* из предпосылки объективности социальных явлений. Ее задача – *объяснить* саму эту объективность, показать, как она возникает и формируется из действий, субъективно ориентированных по своей природе» (Ионин, 2004, с. 73).

²¹ Карл Книс был учителем Макса Вебера (Митюрин, 2006, с. 10).

²² Такое понимание действия явно основывается на пирсоновском прагматизме, к которому мы еще вернемся в этой статье.

В начале XX-го века, параллельно с веберовской понимающей социологией, интерпретативная парадигма в социологии развивалась и в США в Чикагском университете, откуда и название «Чикагская школа в социологии» (не путать с Чикагской экономической школой возглавляемой Фридманом). Направление развиваемое в это время в Чикаго получило название символического интеракционизма (Charon, 2001), основоположником которого был Джордж Мид. Как и у Вебера центральным понятием его социологии является смысл: «Смысл как таковой, то есть как объект мысли, возникает в опыте через индивидуальное стимулирование самого себя принять позицию другого в его реакции на объект. Смысл - это то, что может быть указано другим < ... > Когда индивид указывает его себе самому в роли другого, он это делает исходя из его позиции и он, указывает на него другому исходя из своей собственной позиции» (Mead, 1967, p. 89). Чикагская социологическая школа, представляющая интерпретативную парадигму, занимала доминирующую позицию в социологии США начала XX в. аналогично тому, как Немецкая историческая школа, работая в рамках той же парадигмы господствовала в экономической науке примерно в это же время в Германии. Социологи из Чикаго того времени активно использовали методы сбора и обработки нарративной информации, в том числе и метод историй жизни (life history method). Знаменитая монография «Польский крестьянин в Европе и Америке» (Thomas and Znaniecki, 1926) была основана на этом методе. Особенностью этого исследования было то, что основной текст книги представлял собой автобиографию польского эмигранта В.Знанецкого, а текст авторов с интерпретацией этой автобиографии был дан в примечаниях, с синтезом этого анализа в заключении книги. Кроме того книга имела обширное теоретическое введение. Соавтор этого исследования У.Томас, один из основателей Чикагской школы, «считал, что социологи должны анализировать социальный мир в двуедином контексте: так, как его видит социолог через посредство объективных научных понятий, и так, как его видят сами действующие индивиды, по-своему, сугубо индивидуально определяющие ситуацию деятельности, т.е. действующие согласно «субъективному смыслу», который они привносят в объективную ситуацию» (Ионин, 2004, с. 88). Томас известен также как автор так называемой теоремы Томаса, которая гласит, что «Если ситуации определяются как реальные, они реальны по своим последствиям». Эта «теорема» означает всего лишь на всего такую очевидную истину, что люди действуют исходя из своего восприятия ситуаций - восприятия, которому они верят.

Другой видный представитель символического интеракционизма Г.Блумер подчеркивает, что использование смыслов актором происходит через *процесс интерпретации* и что «несимволическое взаимодействие имеет место, когда один из участников взаимодействия отвечает непосредственно на действие другого без интерпретации этого действия, а символическое взаимодействие предполагает интерпретацию действия» (Blumer, 1998, p. 5, 8). Большинство реальных взаимодействий – это, конечно, взаимодействия второго типа, откуда и название этого направления в социологии: "символический интеракционизм». Блумер резко выступает против применения априористского подхода классической парадигмы в социальных науках: «Вместо того чтобы идти в эмпирический социальный мир в первой и в последней инстанции, прибегают к априорным теоретическим схемам, множествам универсальных концепций и канонизированным правилам исследовательской процедуры. Именно они становятся посредниками во взаимоотношениях с эмпирическим социальным миром заставляя исследование служить их статусу и подчиняя эмпирический мир их предпосылкам» (Blumer, 1998, p. 33). Блумер отмечает, что исследователи, как и все прочие люди, если у них нет близкого непосредственного знакомства с исследуемой областью, подходят к ней исходя из имеющихся у них верований и образов относительно этой области. Важно сделать так, чтобы эти верования и образы не определили полностью процесс исследования. Блумер настаивает на том, что для этого нужно войти в непосредственный контакт с людьми вовлеченными в эту область деятельности, видеть их в различных ситуациях взаимодействия, замечать их проблемы и наблюдать как они их решают, участвовать в их разговорах, в общем видеть как течет их жизнь. Вместо всего этого следуя

канонам классической парадигмы, исследование начинают с теории или модели, формулируют проблему в терминах модели, определяют гипотезу по отношению к так сформулированной проблеме, намечают способ тестирования гипотезы, используя стандартизированные инструменты для получения точных данных и т.д. Однако, как говорит Блумер, никакая самая правильная исследовательская процедура не может заменить непосредственное из первых рук знакомство с исследуемой областью (Blumer, 1998, p. 36, 37). Сегодня экономисты не склонны придавать какое-либо значение анализу (интерпретации) дискурсов акторов, не используют они и методы непосредственного контакта с участниками экономической деятельности. Однако эти методы живы и совершенствуют свой исследовательский потенциал в рамках других гуманитарных и общественных наук, и, в частности, социологии и антропологии. Классическая парадигма также затронула эти две дисциплины, однако сопротивление ей в них оказалось значительно более мощным, чем в экономике и если и позволительно сейчас говорить о существовании и развитии интерпретативной парадигмы, то это касается прежде всего социологии²³ и особенно антропологии.

Среди наук о культуре выделяется социальная антропология, которая всегда была близка к этнографии и тем самым к полевым исследованиям, а также тяготела к качественным, а не к количественным методам. Тем не менее достаточно много антропологов работали скорее в рамках классической²⁴, а не интерпретативной парадигмы. Основателем интерпретативной социальной антропологии является К.Гирц. Культуру он определяет отталкиваясь от понимающей социологии: « Считая вместе с М.Вебером, что человек есть животное, опутанное сотканными им самим сетями смыслов, я полагаю, что этими сетями является культура. И анализировать ее должна не экспериментальная наука, занятая выявлением законов, а интерпретативная, занятая поисками значений » (Geertz, 1973, p. 5). По Гирцу для того, чтобы понять особенность антропологического анализа, как формы знания, нужно понять что значит заниматься этнографией, так как практикующие социальную антропологию ученые занимаются именно этнографией. Он считает, что специфика этнографии состоит в своего рода интеллектуальном усилии, которое необходимо приложить, чтобы создать так называемое «насыщенное описание» (Geertz, 1973, p. 5-6). Такого типа описание позволяет понять изучаемое явление, так как оно содержит не только описание действий, которые это явление порождает, но и смыслы, которые акторы вкладывают в эти свои действия. Гирц считает, что « заниматься этнографией – это все равно, что пытаться читать рукопись на иностранном языке, выцветшую, полную пропусков, несоответствий, подозрительных исправлений и тенденциозных комментариев, и написанную не общепринятым графическим способом передачи звука, а средствами отдельных примеров упорядоченного поведения» (Geertz, 1973, p. 10). Насыщенное описание и есть перевод на понятный нам язык такого типа рукописи.

В настоящее время интерпретативная парадигма завоевывает все больше сторонников среди обществоведов и гуманитариев. Сейчас можно говорить о наметившемся интерпретативном повороте (Yanow and Schwartz-Shea, 2006) в общественных и гуманитарных науках. Чтобы стать социально полезной, экономическая наука неизбежно должна пойти по этому пути.

²³ Приходится только сожалеть, что отечественная экономическая социология сделала выбор не в пользу интерпретативной парадигмы (Радаев, 2003, 2005). Это, по-видимому, произошло потому, что несомненный авторитет этого научного направления, В.В.Радаев, ориентировал нарождающееся российское сообщество экономических социологов больше на их скорейшее включение в мировое сообщество экономических социологов, чем на решение жгучих социально-экономических проблем постсоветской России. Хотя среди западных экономических социологов и есть ученые следующие, в своих исследованиях интерпретативной парадигме (Knorr-Cetina and Preda, 2005), однако большинство из них остаются в основном в классической (Радаев, 2002, 2004), причем одни, как М. Грановеттер (Granovetter, 2000), в большей степени, а другие, как Н.Флигстин (Fligstein, 2001) - в меньшей.

²⁴ Среди них такие основатели социальной антропологии, как Б.Малиновский, М.Мосс и К.Леви-Строс.

5. Новый поворот Д. Норта в « Новой институциональной экономической теории »

Эрик Фуруботн и Рудольф Рихтер в своей недавно вышедшей в русском переводе книге "Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории" трактуют новую институциональную экономику как амальгаму теории транзакционных издержек, экономической теории прав собственности и теории контрактов. Авторы приводят слова автора концепции транзакционных издержек, Р.Коуза, относительно того, что является отличительной чертой экономистов работающих в этой области. По его мнению объединяет их то, что «они используют стандартную экономическую теорию для того, чтобы анализировать работу институтов и открывать какую роль они играют в функционировании экономики» (Furubotn and Richter, 1998, p. 436). Однако Фуруботн и Рихтер отмечают, что не все члены научного сообщества неинституционалистов разделяют эту точку зрения и дебаты, относительно того нужно ли переходить к фундаментально другой парадигме или нет, еще не закончены (Furubotn and Richter, 1998, p. 437, 438).

Среди несогласных с точкой зрения Коуза выделяется прежде всего другой лауреат Нобелевской премии по экономике, Д.Норт. Название его последней книги «Понимание процессов экономических изменений» (North, 2005) очень показательно. Его «понимание» чрезвычайно близко веберовскому *Verstehen*. В первых главах своей новой книги, не делая никаких ссылок на этот счет, Норт переоткрывает подходы и концепции известные в рамках интерпретативной парадигмы со времен Шмоллера, М.Вебера и Комманса. Если оставить в стороне некоторые редкие следы неоклассической лексики (напр., политические и экономические рынки; принципал и агент) и следование моде неоклассиков использовать термины математизированных теорий (игра, правила игры, игроки) или статистической физики (эргодичность, неэргодичность), то по существу в своей новой книге Норт явно осуществил возвращение к теории (онтологии) и неявно к методологии (эпистемологии) исходного американского институционализма и немецкой исторической школы. В самом начале книги он заявляет: «Мы живем в неопределенном и меняющемся мире, который непрерывно развивается новыми и неизведанными путями. Стандартные теории могут мало помочь в этом контексте. Попытка понять экономические, политические и социальные изменения (и нельзя схватить изменение только одного из этих видов без других) требует основательного исправления нашего способа мышления. Можем ли мы разработать динамическую теорию изменения сравнимую по элегантности с общей теорией равновесия? Ответ на этот вопрос вероятно будет отрицательным. Но мы можем достигнуть понимания процесса лежащего в основе изменения, после чего мы можем разработать некоторые ограниченные гипотезы относительно изменения, что может значительно увеличить полезность общественно-научной теории в решении проблем стоящих перед людьми» (p.vii). Итак вместо элегантных теорий - понимание, которое помогает разработать гипотезы, полезные для решения конкретных проблем. Тем самым элегантность теории пожертвована в пользу ее полезности. То, что было камнем преткновения в споре между Менгером и Шмоллером, а именно наличие законов, детерминизм даже в его вероятностной форме (ergodic world), отбрасываются Нортом с такой же решительностью²⁵, как и Шмоллером. Так

²⁵ Норт критикует Самуэльсона за то, что он считал гипотезу об эргодичности мира «основополагающей для научной экономической теории» и Солоу за то, что он считал, что лучшие и самые блестящие экономисты это те, которые действуют так, как если бы экономическая наука была бы физикой общества, то есть имеется единственная универсально верная модель мира, которую остается только применить. «Для

же как и представители немецкой исторической школы, Норт видит, что социальная действительность меняется достаточно быстро и так, что часто «у нас нет исторического опыта, который бы подготовил нас к действиям в рамках этой новой реальности» (р. 20).

Если исходный американский институционализм и немецкая историческая школа черпали свое вдохновение в философских построениях прагматизма и герменевтики, то Дуглас Норт обратился к когнитивной науке. Дело в том, что к концу XX в. когнитивные науки [когнитивная психология, когнитивная лингвистика, когнитивная антропология] отвоевали ряд позиций у философских гносеологии и эпистемологии. Следующая цитата из предисловия к книге содержит ее основную идею: «Экономические изменения являются в значительной степени преднамеренными процессами формируемыми осознанием (perceptions) акторами последствий своих действий. Осознания эти проистекают из верований игроков – теорий, которые у них есть относительно последствий их действий – верований, которые обычно смешаны с их предпочтениями. Но как люди приходят к пониманию своего окружения? Объяснения, которые они развивают, представляют собой ментальные построения вытекающие из опыта, опыта как современного, так и исторического. Человеческое обучение есть нечто большее, чем накопление индивидуального опыта в течении жизни индивида. Это также накопленный опыт предыдущих поколений. Накопленное обучение всего общества воплощенное в языке, человеческой памяти и системах знакового хранения включает верования, мифы, способы делания различных вещей, что представляет собой культуру общества. Культура определяет не только функционирование общества в какой то момент времени, но и, накладывая ограничения на игроков, способствует процессу изменений во времени. Наше внимание, таким образом, должно быть сфокусировано на человеческом обучении – на то, чему люди обучены и тому, как это «обученное» разделяется членами общества, а также на постепенный процесс, на основе которого верования и предпочтения меняются, и на то каким образом они формируют функционирование экономик во времени. < ... > Понимание – это необходимое предварительное условие, которое упускается экономистами в поспешности моделировать экономические рост и изменения. Мы еще очень далеки до того, чтобы полностью понять эти процессы» (North, 2005, р. viii-ix). Норт пишет, что это его исследование есть расширение, правда «очень существенное расширение», новой институциональной экономики (теории). По-видимому, будет не так просто гармонично соединить основную концепцию новой (нортоновской) новой институциональной экономики, концепцию верований (beliefs), с центральной концепцией новой институциональной экономической теории – концепцией «транзакционных издержек». Вышеприведенная цитата соответствует, если не букве подходов Шмоллера, Вебера и Комманса, то по крайней мере их духу. Как можно судить из следующего его высказывания, Норт по существу подошел к понятию насыщенных описаний Клиффорда Гирца: «Одно дело быть в состоянии дать краткое описание процесса экономических изменений, и совсем другое обеспечить достаточное содержание этого описания, чтобы дать нам понимание этого процесса» (North, 2005, р. 4).

Однако Норт все же остался в рамках классической парадигмы. Он отказался искать универсальные законы, но вместо этого ищет универсальные институты и верования, которые ведут к всеобщему благосостоянию, которое он связывает с экономическим ростом²⁶. Норт, являясь экономическим историком, тем не менее фактически рассматривает незападные институты, верования, и культуры в целом, как экономические аномалии, не способные обеспечить достойную жизнь людям и которые должны быть заменены на западные, лучше в

экономического историка, добавляет он, охватывающему десяток тысячелетий человеческой истории, начиная от неолитической революции, эргодическая гипотеза является аисторической» (North, 2005, р. 19).

²⁶ Ложность отождествления экономического роста с благосостоянием обсуждается в книге (Comelinau, 2006). Понимание же роста благосостояния как роста потребления благ навязывается с помощью агрессивного маркетинга жителям западных стран, а теперь и России, с самого детства для превращения их в «одержимых своим социальным статусом маленьких потребителей» (Линн, 2006).

их американском варианте²⁷. Жалко, что в книге Норта не нашлось места для глубокого исследования китайского экономического чуда (Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу, 2001; Wu, 2005). Его утверждение о том, что для поддержания своего быстрого развития Китаю потребуются институты, приближающие его к западным обществам (North, 2005, p. 159), выглядит не очень убедительным. Придя к интерпретативной онтологии, он не делает соответствующих эпистемологических выводов, по крайней мере, он ничего в книге не говорит об этом. Эти эпистемологические выводы состоят в том, что для любого институционального анализа нужно изучать тексты дискурсов акторов и изучение это нужно осуществлять не для верификации (подтверждения или опровержения) каких либо априорных теоретических построений, а для создания насыщенных описаний, которые бы содержали разработанные на базе этих изучений контекстных, т.е. не универсальных, а применимых только к определенным контекстам, концепций. Об этом в книге Норта нет ни слова, хотя неявно это должно было бы следовать из его онтологических изысканий.

Норт связывает свои теоретические построения прежде всего с экономическими результатами²⁸, а не с социальными результатами и условиями экономической деятельности, и также не с последствиями для окружающей среды, которые он даже нигде не упоминает. Из этого вытекает, что он рассматривает экономическую действительность с точки зрения собственников капитала, а не всего общества в целом, в том числе и его большинства, т.е. наемных работников. Это плохо вяжется с его утверждением о том, что понятие экономические, политические и экономические изменения можно только рассматривая их совместно. По-видимому, он считает, что экономическая эффективность фирм какой-то страны автоматически ведет к росту уровня жизни всех слоев населения этой страны, хотя реальности не только бедных, но и богатых стран характеризуются не только ростом экономической поляризации, но и просто абсолютным ростом бедности и неустойчивости положения значительной части населения²⁹, не говоря уже об ухудшении положения окружающей среды в глобальном масштабе³⁰. Можно утверждать, что, по крайней мере отчасти, это произошло за последние двадцать лет в связи с изменением геополитической обстановки в мире и связанным с этим значительным ослаблением оппозиционных капиталу сил и движений. Если у Шмоллера и Комманса социальные конфликты были в центре их анализа, то эта тема находится вне интересов экономиста Норта. Политические предприниматели, верования и власть которых по Норту оказывают решающее влияние на институциональную динамику, действуют по нему исключительно в своих интересах, среди которых находится и получение поддержки своих избирателей. Возможная зависимость их от экономических предпринимателей им не рассматривается. Можно сказать, что понятие власти по существу вообще отсутствует в нортоновских теоретических построениях. Наконец объяснение Нортом «взлета и падения Советского Союза» основывается исключительно на рассмотрении его внутренней динамики, а геополитические, геоэкономические и геокультурные аспекты игнорируются. Все это говорит о том, что Норт не ориентирован на целостное видение экономической деятельности, как объекта исследования, что является одним из важнейших требований к исследованиям проводимых в рамках интерпретативной парадигмы.

²⁷ В последнее время ряд видных ученых, в том числе и американских, анализируют и критикуют кричащие пороки современных капиталистических институтов [(Stiglitz, 2002; Стиглиц, 2005; Хомский, 2002, 2003; Nerman and Chomsky, 1988; Бодрийяр, 2006)]. Обсуждаются также отрицательные последствия определенных интерпретаций и таких фундаментальных западных ценностей, как свобода и демократия (Закария, 2004; Lakoff, 2006).

²⁸ Перевод названия книги Норта (North, 1900) как «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» неверно. Термин *Economic Performance* следовало бы перевести как «экономические результаты», а не как «функционирование экономики».

²⁹ Например, теперь во Франции бездомными становятся даже те, кто имеет постоянную работу. Те же, кто получают достаточно высокую заработную плату, страдают от все возрастающих стрессов вызываемых ростом психических нагрузок и неустойчивости своего положения на работе.

³⁰ Например, все возрастающее потепление климата планеты Земля.

В своей новой книге Д.Норт затрагивает следующие вопросы: Как хорошо мы понимаем реальность? Как формируются верования? Чьи верования имеют значение и как индивидуальные верования агрегируются в систему? Как меняются верования? Какое существует взаимоотношение между верованиями и институтами? Как меняются институты? Как институты влияют на результаты? Чем объясняется такое широкое разнообразие образцов функционирования экономик и государств? (North, 2005, p. 4). Можно только поблагодарить Норта за такую четкую формулировку действительно центральных вопросов, на которые должны искать ответы институционально-экономические исследования. Однако в той или иной форме эти вопросы, кроме может быть только последних двух, уже давно задаются учеными, работающими в рамках интерпретативной парадигмы.

Действительно важный вклад «позднего» Норта в развитие институциональной экономики – это то, что он привлек внимания сообщества экономистов начала XXI в. (North, 2005) к необходимости изучения идей, лежащих в основе институтов, и связи динамики идей с динамикой институтов (*ideas matter*). Безусловной заслугой Норта является также его обращение к когнитивной науке. Соглашаясь с неоклассическим определением экономики как теории выбора, он однако утверждает, что эта дисциплина игнорирует исследование контекста, в котором происходит этот выбор: «Мы выбираем из альтернатив, которые сами являются конструкциями человеческого мозга. Таким образом то, как разум работает и понимает среду является фундаментом данного исследования» (North, 2005, p. 12).

6. Когнитивные науки и интерпретативная парадигма

Когнитивные науки, которые сделали за последние десятилетия значительный прогресс, экспериментально установили, что в основе нашего мышления лежит не логика (дедукция, индукция), как думали, философы Декарт и Бэкон, а вслед за ними экономисты Д.С.Миль (Mill, 1886) и У.С.Джевонс (Jevons, 2002), а другие процессы. Так, Д.Эдельман американский биохимик, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине, автор многих книг посвященных исследованию работы мозга, считает, что «мозг функционирует прежде всего не столько на основе логики, сколько на базе распознавания образов (pattern recognition)» (Edelman, 2006, p. 58). Экспериментальные исследования проводимые с представителями разных культур показывают, что люди в реальной жизни не очень то используют дедуктивные рассуждения. Вместо этого их суждения основываются на категоризации и принадлежность к какой-либо категории ментально определяется по ее степени схожести абстрактному представлению этой категории (Sternberg and Ben-Zeev, 2001, pp. 115, 374). «Категории, которые мы строим и используем для структурирования мира могут быть истолкованы, как нечто глубоко пропитанное нашим собственным опытом, иногда они могут очень сильно связаны со свойствами реального мира, в других случаях эта связь может быть в сильной степени метафорической» (Wilkes, 1997, p.77).

Впервые Д.Норт обращается к когнитивной науке еще за 11 лет до публикации книги в статье написанной совместно с А.Дензау. Вот как характеризуется процесс мышления в этой статье: «Категории-классификации постепенно развиваются с раннего детства для того, чтобы организовать наши восприятия и сохранять связь с нашей памятью аналитических результатов и опыта. Основываясь на этих категориях, мы формируем ментальные модели для объяснения и интерпретации окружающей среды, обычно так, что это соответствует некоторым целям. И категории и модели будут развиваться отражая обратную связь на основании нового опыта. Эта обратная связь иногда усиливает наши начальные категории и ментальные модели, а иногда ведет к их модификациям. Словом происходит процесс обучения. Так ментальные модели могут быть постоянно переопределены на базе нового опыта, включая и контакты с идеями других» (Denzau and North, 1994, p. 224). Модификации категорий могут быть двух типов: изменения каких-то деталей существующих категорий и замена одних категорий на другие. Радикальное изменение категорий представляет собой изменение точки зрения. Индивидуальные категории и ментальные модели используемые членами какого-либо сообщества «примериваются» к другим членам этого сообщества, и если необходимо, корректируются в процессе взаимодействия членов этого сообщества. Это приводит к тому, что эти категории и ментальные модели разделяются всеми членами сообщества, следствием чего является относительно однородное восприятие членами сообщества одних и тех же явлений. Автор первой на русском языке книги по когнитивной науке, директор Института труда, организационной и социальной психологии Дрезденского университета, Б.М.Величковский констатирует, что: «Сегодня концептуальные структуры все чаще описываются как особый уровень когнитивной организации, который фиксирует индивидуальный вариант « модели мира », ориентирующей деятельность в *типичных условиях*. Собственно функции памяти, а равно процессы категоризации при таком рассмотрении отодвигаются на задний план, уступая место содержательному анализу культурно-

исторических корней наших знаний и их нейрофизиологических механизмов» (Величковский, 2006, т. 2, с. 12).

Занимаясь изучением процессов познания, ученые-когнитивисты, т.е. те кто занимается когнитивными науками, неизбежно вторгаются на территорию, ранее занятыми исключительно философами. Так, уже упоминавшийся выше Джеральд Эдельман называет то, чем он занимается *brain-based epistemology*, т.е. эпистемологией основанной на изучении работы мозга (Edelman, 2006, р. 2). Как и многие другие специалисты в области когнитивных наук, Эдельман рассматривает деятельность мозга в его взаимодействии с человеческим телом и окружающей человека средой. Эмпирические исследования ученых когнитивистов неизбежно приводят к отбрасыванию картезианского дуализма, да и всего картезианизма в целом. Так, Антонио Дамасио, заведующий кафедры неврологии одного из американских университетов, дал одной из своих книг такое вызывающее название: "Ошибка Декарта. Эмоции, разум и человеческий мозг". Автор высказывает следующее суждение относительно знаменитого картезианского *Cogito ergo sum* (Мыслю, значит существую): «Рассматривая его буквальный смысл, данное утверждение иллюстрирует как раз обратное тому, что я считаю верным относительно истоков разума и относительно связи между разумом и человеческим телом» (Damasio, 2005, р. 248). Он считает что понимание человеческого разума требует рассмотрения всего его организма в целом, организма обладающего и телом и мозгом, организма взаимодействующего со своей физической и социальной средой (р. 252). Никакое знание, в том числе и научное, не может рассматриваться отдельно от человека его производящего и потребляющего. Все познавательные процессы так или иначе связаны не только с его мозгом, но и с человеческим телом в целом: «Тело, представленное в мозге, может представлять собой необходимую систему координат для нейронных процессов и тем самым это наш организм, а не некоторая абсолютная внешняя реальность, используется как исходная ссылка (ground reference) для ментальных конструкций, которые мы делаем относительно окружающего нас мира, а также для построения всегда присутствующего чувства субъективности, которое является неотъемлемой частью нашего опыта; и тем самым наши самые утонченные мысли и лучшие действия, наши самые большие радости и самые глубокие печали используют наше тело как измерительную линейку» (р. xx).

Другой американский ученый-когнитивист, крупнейший специалист в области когнитивной лингвистики, Д.Лакофф³¹, использует для отражения той же идеи, которая только что была приведена в цитате из книги Дамасио, концепцию «телесно воплощенного разума» (embodied mind). Он развивает эту концепцию в книге с не менее, чем у Дамасио, провокационным названием «Философия во плоти. Телесно воплощенный разум и его вызов западной мысли» (Lakoff, 1999). Эта концепция состоит в том, что тело играет важную роль в понимании человеком смысла происходящего, что этот его смысл не является чисто объективным, определенным только внешним миром, и что человеческий язык не может соответствовать внешнему миру без существенной роли играющей при этом разумом, мозгом и телом. А так как наши концептуальные системы вырастают отталкиваясь от, используя в качестве ссылки, наше тело, то и понимание человеком смысла происходящего отталкивается и использует в качестве ссылки также наше тело. «Так как значительное число концепций являются метафорическими³² смысл происходящего понимаемый человеком не является буквальным и тем самым классическая теория истины, как соответствия реальности, ложна. Истина опосредуется телесно воплощенным пониманием и воображением. Это не означает, что истина является чисто субъективной или, что нет стабильных истин. Наоборот, наше общее телесное воплощение делает возможными общие и стабильные истины» (Lakoff, 1999, р. 6). По мнению Лакоффа, экономически рациональный человек, максимизирующий свою полезность, не существует. Реальные люди осуществляют свои умозаключения большей

³¹ Его труды, в которых показывается фундаментальная роль метафор в человеческом мышлении переведены на русский язык (Лакофф и Джонсон, 2004), (Лакофф, 2004).

³² Метафорическая природа многих экономических терминов рассматривается в книге (McCloskey, 1985).

частью бессознательно, а значительная часть их интеллекта основывается на всевозможных прототипах, фреймах и метафорах (р. 5) .

Американский психолог Д.Брунер, стоящий у истоков когнитивной науки, настаивает в своих поздних работах на том, что культура должна быть центральной концепцией психологии. В своей книге «Акты осмысливания» (Bruner, 1990) , которая во французском переводе вышла под названием «... так как культура дает форму разуму» (Bruner, 1991) Брунер, следуя Клиффорду Гирцу, считает, что не может быть человеческой природы независимой от культуры. По его мнению невозможно построить человеческую психологию исключительно на базе индивидуума, так как человек участвует в культуре и реализует свои ментальные способности через культуру (Bruner, 1990, р. 12). «Наш культурно адаптированный образ жизни зависит от разделяемых с другими смыслов и концепций, а также зависит от разделяемых с другими способов достижения договоренностей относительно разницы в смыслах и интерпретации. < ...> Мы живем общественно (publicly), общественными смыслами и разделяемыми с другими процедурами интерпретации и процедурами достижения договоренностей относительно смыслов» (р.13). Брунер выступает против игнорирования исследователями того, что люди говорят относительно того, что они делают, и вообще того, что люди говорят, так как то, что они говорят вызывает то, что они на самом деле делают. «Это касается также того, что люди говорят относительно того, что делают другие и почему они так делают» (р.16). Отсюда следует какую же реальность нужно изучать : «В большинстве человеческих взаимодействий «реальности» являются результатами продолжительных и замысловатых процессов построения (смыслов) и достижения договоренностей (относительно смыслов), процессов глубоко врезанных в нашу культуру (р.24). Автор подчеркивает также роль нарративов (рассказов) в познании (р.24). Даже осознание нашего собственного «я» происходит в виде рассказа-автобиографии, который используется для нашей собственной самоидентификации (р. 99-138). Другой известный американский когнитивист, Марк Тернер, посвятил роли нарратива в познании целую книгу (Turner, 1996). В ней он показывает, что рассказ (story, narrative) является основным элементом разума. Большая часть нашего опыта, наших знаний и нашего мышления организованы как рассказы (Turner, 1996). В другой своей книге он призывает обществоведов и когнитивистов объединить свои усилия для развития интерпретативной парадигмы социальных наук (Turner, 2001).

Так как же все таки мы думаем ? Какой ответ на этот вопрос дают когнитивные науки ? Прежде всего отметим, что также как прежде философы, достаточно большое число когнитивистов пытаются ответить не на вопрос как мы думаем (think), а на вопрос как мы рассуждаем, делаем умозаключения (reason), что в действительности составляет только небольшую часть мышления. При этом наиболее важная, а именно, творческая, часть его остается не рассмотренной. Мышление и сейчас еще нередко фактически отождествляется с рассуждением, а относительно него считается, что оно «довольно полно описывается моделью формальной дедуктивной логики : рассуждение представляет собой механическое манипулирование абстрактными символами, которые сами по себе лишены значения, но могут приобрести его благодаря своей способности к соотносению с вещами реального мира или возможных миров (Lakoff, 1990, р.7) ». Американский когнитивный психолог Ф.Джонсон-Лейерд, который один из первых использовал понятие ментальных моделей (Johnson-Laird, 1983), исследовал, в том числе и экспериментально, как человек осуществляет дедуктивные и индуктивные выводы. Он пришел к выводу, что, в отличие от того, что думали, следуя древним грекам, философы эпохи Просвещения, не существует так называемых «законов мышления», которые выражаются в явном виде в формальной логике и вероятностном исчислении и которым люди следуют осуществляя умозаключения (Johnson-Laird, 2006, р.415,417). Исходя из его теории, эти умозаключения происходят на основе ментальных моделей портретного (iconic) типа³³, которые являются репрезентациями со структурами соответствующими структурам мира (р. 418).

³³ Филип Джонсон-Лейерд отмечает, что термин «портретный» (iconic) он заимствовал у Пирса.

Среди ученых-когнитивистов, которые все таки пытались ответить на вопрос как же все таки мы думаем (think), можно отметить уже упоминавшихся Д.Лакоффа и М. Тернера, а также французского исследователя Ж.Фоконье, работающего в настоящее время заведующим кафедрой когнитивной науки в Калифорнийском университете в Сан Диего. Как уже было упомянуто выше, Д.Норт вместе с А.Дензау еще в 1994 г. правильно указали на категоризацию-классификацию, как основу мышления. Но как эта категоризация осуществляется? Этот вопрос обсуждается Лакоффом (Lakoff, 1990) на основе результатов исследований Э.Рош (E.Rosch). До совсем недавнего времени считалось, что вещи входят в одну категорию, когда им присущи определенные общие свойства, которые и определяют категорию в целом. Эта классическая теория категорий возникла не как результат эмпирического исследования и не как эмпирическая гипотеза, а как абсолютно бесспорная истина. Здесь категории существуют в мире независимо от людей и такое видение категоризации соответствует подходу к мышлению как к манипулированию абстрактными символами. На основании широких эмпирических исследований Рош демонстрирует, что элементы попадают в одну категорию не обязательно по общим свойствам, но потому, что в чем-то схожи с неким наилучшим их представителем, который был назван «прототипом», отсюда и название этой теории категоризации «теория прототипа». В соответствии с этой теорией категоризация не может быть независимой от человека. «Изменение самого понятия *категории* влечет изменение нашего понимания мира. Категории - это категории относительно вещей. Если мы понимаем мир не только в терминах индивидуальных вещей, но также в терминах категорий вещей, то мы приписываем этим категориям реальное существование» (Lakoff, 1990, 9). Жиль Фоконье, на основании разработанной им теории ментальных пространств (mental spaces), совместно с Марком Тернером, предложил теорию концептуальной интеграции (conceptual integration) или по другому концептуальной комбинации (conceptual blending) (Fauconnier and Turner, 2002), которая нацелена именно на творческие когнитивные процессы. Ментальные пространства - это небольшие концептуальные связки построенные, когда мы думаем или говорим, для целей локального понимания и действия. Ментальные пространства связаны с долговременным схематическим знанием, называемым «фреймами», которые являются ментальными репрезентациями определенного смысла. В соответствии с теорией концептуальной интеграции элементы из различных ментальных пространств комбинируются, причем чаще всего подсознательно, и результаты этого комбинирования составляют основу творческого мышления.

7. Онтология и предмет интерпретативной институциональной экономики

Философским фундаментом исходной институциональной экономики была философия прагматизма, основы которой были заложены Ч.Пирсом (Пирс, 2000а). Выше мы уже приводили высказывание Веблена относительно того, что «основой действия – его отправной точкой – на всех этапах процесса является органический комплекс мысленных привычек, которые были сформированы прошлым процессом» (Veblen, 1990, p. 77). Эта мысль почерпнута Вебленом из философии прагматизма Пирса. Среди столпов американского институционализма, который был наиболее последовательным сторонником прагматизма, был Коммонс. В своей книге «Институциональная экономика» (Commons, 1990), первоначально опубликованной в 1934 году, он прямо указывает на это³⁴. Мы позволим себе воспроизвести здесь несколько длинных цитат из работ Пирса, которые в совокупности содержат ядро прагматизма Пирса. Думается, что при чтении ниже приведенных строк, даже у тех, кто с ними сталкивается впервые, неизбежно должно возникнуть ощущение уже чего-то знакомого, уже виденного. И это не случайно, ведь приведенные выше в этой статье мысли различных авторов разрабатывающих интерпретативную парадигму основывались на идеях Пирса то ли, как, например, в случае с символическим интеракционизмом, явно, либо, неявно, но по существу эти авторы следовали им, или близким к ним идеям герменевтики, не делая никаких ссылок на прагматизм Пирса. В то же время Пирс предвосхитил многие результаты, полученные совсем недавно учеными-когнитивистами, которые, как правило, тоже не делают на него, или на его прагматизм, никаких ссылок³⁵.

В прагматизме Пирса двумя центральными понятиями являются понятие верования (*belief*) и понятие правила действия (*rule of action*), которое он отождествляет с привычкой (*habit*). Вот, как он понимает верование и его связь с сомнением: «Наши верования руководят нашими желаниями и формируют наши действия <...> Сомнение является беспокойным и неудовлетворенным состоянием, от которого мы пытаемся освободиться и прийти к состоянию верования, в то время как последнее является состоянием спокойного самоудовлетворения, от которого мы не хотим уклоняться или же поменять на верование во что-то иное. Напротив мы упорно держимся не просто за акт верования, но за верование только в то, во что мы действительно верим. Таким образом, сомнение и верование оказывают на нас положительное воздействие, хотя и достаточно различное. Верование не заставляет нас действовать немедленно, но ставит нас в такие условия, что мы будем вести себя некоторым определенным образом, когда представится возможность. Сомнение ни в малейшей степени не дает такого активного результата, но принуждает нас исследовать до тех пор, пока оно само не будет устранено<...> Раздражение, причиненное сомнением, вызывает борьбу, направленную на достижение состояния верования. Я буду называть эту борьбу *исследованием*, хотя нужно признать, что иногда это не очень точное обозначение. Раздражение, причиненное сомнением, является единственным непосредственным побуждением для борьбы, направленной на достижение верования. Но лучшим для нас, конечно же, будет, если наши верования окажутся такими, что смогут правильно руководить нашими действиями, дабы удовлетворить наши желания; и размышление заставит нас

³⁴ Американские и европейские историки экономической мысли подробно исследовали вопрос происхождения институциональной экономики Коммонса из философии прагматизма (см. Mirowski, 1988; Bazzoli, 1999).

³⁵ Исключением является пожалуй только Д. Брунер.

отвергнуть любое верование, которое, как кажется, не было сформулировано с тем, чтобы гарантировать этот результат. Но оно будет делать это, только рождая сомнение на месте этого верования. С сомнением, поэтому борьба начинается, с прекращением его она заканчивается. Таким образом, единственная цель исследования есть установление мнения <...> Самое большое, что можно утверждать, это то, что мы ищем такое верование, о котором мы *думали* бы, что оно истинно, и право же, данное утверждение является пустой тавтологией. То, что установление мнения есть единственная цель исследования, представляет собой важное положение. Оно мгновенно сметает прочь со своего пути различные смутные и ошибочные концепции доказательства» (Пирс, 2000а, с. 242–5).

А вот, что он пишет по поводу правила действия (привычки): «Верование обладает тремя свойствами: во-первых, оно есть что-то, что мы осознаем; во-вторых, оно кладет конец раздражению, вызванному сомнением; и, в-третьих, оно влечет за собой установление в нашей природе правила действия, короче говоря, *привычки*. <...> *Конечный* результат мышления состоит в акте воли. <...> Сущность верования заключается в установлении привычки; различные верования отличаются друг от друга теми различными способами действия, которые они вызывают. <...> полной функцией мысли является установление привычек, располагающих к тому или иному действию³⁶, и все то, что связано с мыслью, но не имеет отношения к ее цели, есть некий нарост на ней, но не ее часть.<...> Для того, чтобы выяснить смысл мысли, мы просто должны определить, какие привычки она производит, ибо смысл какой-либо вещи состоит просто в том, какие привычки она вызывает³⁷. <...> Рассмотрите, какого рода следствия, могущие иметь практическое значение, имеет, как мы полагаем, объект нашего понятия (*conception*). Тогда наше понятие (*conception*) об этих следствиях и есть полное понятие (*conception*) об объекте³⁸.» (Пирс, 2000а, с. 274–8)

Исходная институциональная экономика сделала два вывода из философских построений Пирса. Первый вывод, онтологического порядка, касается рассмотрения человеческой деятельности, в том числе и экономической, как деятельности протекающей в соответствии с определенными правилами. Правила эти, непосредственно связанные с определенными верованиями, остаются стабильными до тех пор пока акторы действующие в соответствии с этими правилами не начинают сомневаться в верованиях лежащих в их основе. В этом случае происходит сначала смена верований, а уже затем и замена правил на такие, которые бы соответствовали новым верованиям, вытекали бы из них. Если под институтами понимать правила взаимодействия людей³⁹ вовлеченных в определенную деятельность, то можно сказать, что институциональная динамика представляет собой последовательную смену верований вызывающих замену правил. Второй вывод, эпистемологического порядка, связан с пирсоновским пониманием процесса научного исследования. Принять эту сторону пирсоновского учения убежденным сторонникам классической парадигмы чрезвычайно трудно, вот почему экономисты с такими убеждениями рассматривают построения Пирса исключительно как модель человеческого поведения (теория человеческого действия), которая может конкурировать с моделью полной экономической рациональности стандартной экономики или с некоторыми оспаривающими ее моделями, например, с моделью ограниченной рациональности (*bounded rationality*) Г.Саймона. В этом разделе мы ограничимся обсуждением только онтологии оставив рассмотрение эпистемологии, которой следует исходная (интерпретативная) институциональная экономика, для следующего раздела.

³⁶ См.: Пирс, 2000б, с. 134,136).

³⁷ Эта фраза есть скорректированная мною по оригиналу смесь переводов (Пирс, 2000а, с. 277 и Пирс, 2000б, с. 136).

³⁸ Данная последняя фраза представляет собой знаменитую прагматистскую максиму.

³⁹ Использование метафоры «игра» в нортоновском определении института («правила игры») нам кажется неуместным.

Под каким-либо конкретным институтом целесообразно понимать набор правил относящихся к вполне определенной деятельности, которая этими правилами регулируется. Если говорить о современных обществах, то практически все виды деятельности регулируются как формальными, так и неформальными правилами. Так что для таких обществ практически любой институт есть набор как формальных, так и неформальных правил⁴⁰. Причем важнейшими формальными правилами в современных обществах являются законодательные акты. Именно на изучении этих правил делал акцент в своих исследованиях Коммонс.

Пирс не был обществоведом, теоретические построения прагматизма являются универсальными, а следовательно, слишком общими. Другим, более ориентированным на социальную реальность направлением мысли развивающее интерпретативную парадигму является социальный конструктивизм. Нам представляется, что именно социальный конструктивизм, в своей трактовке институтов, соответствует духу интерпретативной институциональной экономики. В изложении конструктивистской концепции институтов, мы будем следовать книге П.Бергера и Т.Лукмана⁴¹, из которой можно много почерпнуть для понимания онтологии интерпретативной институциональной экономики.

Правило действия, соответствующее определенному верованию, для того, чтобы действительно стать привычкой должно повториться много раз, т.е. подвергнуться опривычиванию (*habitualization*) (с. 90). Именно благодаря опривычиванию становится необязательным определять каждую встречающуюся ситуацию заново. Смыслы (*meanings*), которые человек придает своей деятельности, позволяют идентифицировать принадлежность ситуации к тому или иному классу, а следовательно и правило действия в этой ситуации (с. 91). «Эмпирически наиболее важная часть приобретения привычек (опривычивания) человеческой деятельности сопряжена с ее институционализацией. И тогда встает вопрос, как же возникают институты. Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий акторами определенных типов. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт. Что здесь следует подчеркнуть, так это взаимность институциональных типизаций и типичность не только действий, но и деятелей в институтах. Типизации опривыченных действий, составляющих институты, всегда разделяются членами определенной социальной группы; они доступны для понимания всех ее членов, и сам институт типизирует как индивидуальных акторов, так и индивидуальные действия (с. 92)». Таким образом, недостаточно, как это делается многими авторами, определить институты просто как совокупности правил, это должны опривыченные правила, которые находятся акторами среди множества всех применяемых ими правил по смыслу ситуаций, в которых эти правила применяются. Причем, чтобы стать институтом, эти правила, смыслы ситуаций в которых они применяются и, конечно, верования, которые лежат в основе этих правил, должны разделяться социальной группой, т.е. должны быть общими для ее членов, для которой данный институт устанавливается. Фраза «институт типизирует индивидуальных акторов» означает, что он их превращает в социальную группу представляющую, по отношению к этому институту, культурную общность. При введении новых институтов для определенной социальной группы опривыченными должны стать как формальные, так и неформальные правила, при этом ее члены должны разделять смыслы и верования, «сопровождающие» эти правила. Российские приватизации 90-х годов дают множество примеров, когда эти требования не были выполнены. Коллективное освоение этих

⁴⁰ С этой точки зрения, нередко встречающиеся в литературе разделение на формальные и неформальные институты не имеет смысла. Использование Нортон вместо понятия «неформальных правил» понятия «неформальных ограничений» (*informal constraints*) или «неформальных норм» также не целесообразно, так как использование для них разных терминов уводит от понимания их общей природы, состоящей в том чтобы быть опривыченными правилами.

⁴¹ Приводимые ссылки делаются на русский перевод (Бергер и Лукман, 1995), однако при цитировании выдержек из этой книги мы позволяли себе иногда корректировки переводов по оригиналу (Berger and Luckman, 1991).

верований, правил и смыслов может быть только постепенным: "Взаимные типизации действий постепенно создаются в ходе общей истории. Они не могут быть созданы моментально. Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан" (с. 92).

Д.Норт склонен рассматривать правила (институты), как ограничения накладываемые на человеческую деятельность. Д.Бромли, профессор Висконсинского университета, того самого, где работал в свое время Джон Коммонс, пытается сейчас дать современное прочтение его институциональной экономики и оспаривает нортоновское понимание институтов: «С правильным фокусом на институты, как на устанавливающие социальные и экономические отношения, а не просто как ограничения на эти отношения, мы можем начать привлекать внимание на аналитическую пользу рассмотрения этих основных аспектов экономической системы» (Bromley, 2006, p.32). Конечно, рассмотрение правил, как ограничений (constraints), ограничительных рамок на человеческое действие, было, по-видимому, связано с выполнением ими социального контроля, однако «институты уже благодаря самому факту их существования контролируют человеческое поведение, устанавливая predetermined его образцы, которые придают поведению одно из многих, теоретически возможных направлений. Важно подчеркнуть, что этот контролирующий характер присущ институционализации как таковой, независимо от и еще до того, как созданы какие-либо механизмы санкций, поддерживающих институт. Эти механизмы (совокупность которых составляет то, что обычно называют системой социального контроля), конечно же, существуют во многих институтах и во всех агломерациях институтов, которые мы называем обществами. Однако эффективность их контроля - вторичного, дополнительного рода <...> Первичный социальный контроль задан существованием института как такового. Сказать, что часть человеческой деятельности была институционализирована, - уже значит сказать, что часть человеческой деятельности была подвергнута социальному контролю. Дополнительные механизмы контроля требуются лишь в том случае, если процессы институционализации не вполне успешны» (Бергер и Лукман, 1995, с. 92-3). То, что многие так называемы рыночные институты вводимые в России в 90-е годы работали плохо происходило прежде всего не потому, что не были развиты соответствующие механизмы принуждения (enforcement), а потому, что они не соответствовали верованиям и привычкам всей совокупности акторов, то есть институционализация не была успешной.

Д.Норт правильно видит важнейшую роль институтов в уменьшении неопределенности в человеческих взаимодействиях (North, 1990, p. 6). Бергер и Лукман утверждают тоже самое отвечая на вопрос, что нового приобретает каждый индивид от наличия институтов: «Наиболее важным приобретением является то, что теперь каждый может предвидеть действия другого. Значит, их взаимодействие становится предсказуемым. "Он делает это снова" превращается в "Мы делаем это снова". Это значительно ослабляет напряжение обоих. Они берегут время и усилия не только при решении внешних задач, в которое они вовлечены порознь или сообща, но и в терминах своих индивидуальных психологических затрат. Теперь их совместная жизнь определяется более обширной сферой само собой разумеющихся рутинных действий. Многие действия теперь не требуют большого внимания. И любое действие одного из них больше не является источником удивления и потенциальной опасности для другого. Напротив, повседневная жизнь становится для них все более тривиальной» (с.96). Институты не падают с неба, они создаются, конструируются⁴² людьми. Институты образуют мир, в котором люди живут, некоторые из которых возможно принимали участие в создании этих институтов и «пока они сами создают этот мир в ходе их общей биографии, которая на их памяти, созданный таким образом мир кажется им абсолютно прозрачным. Они понимают мир, который создан

⁴² Отсюда и название направления социальной мысли представленное Бергером и Лукманом «социальный конструктивизм».

ими. Все это меняется в процессе передачи новому поколению. Объективность институционального мира “увеличивается” < ... > Формула “Мы делаем это снова” теперь заменяется формулой “Так это делается”. Рассматриваемый таким образом мир приобретает устойчивость в сознании, он становится гораздо более реальным и не может быть легко изменен. Для детей, особенно на ранней стадии социализации⁴³, он становится их миром. < ... > Институциональный мир тогда воспринимается в качестве объективной реальности. У него есть своя история, существовавшая до рождения индивида, которая недоступна его индивидуальной памяти. Он существовал до его рождения и будет существовать после его смерти. Сама эта история, как традиция существующих институтов, имеет характер объективности. < ... > Он не может избавиться от них. Институты сопротивляются его попыткам изменить их или обойтись без них. Они имеют над ним принудительную власть и сами по себе, благодаря силе своей фактичности, и благодаря механизмам контроля, которыми обычно располагают наиболее важные институты» (с. 99 - 101) .

Каждый институт не может существовать без тесно связанного с ним верования. Это почти всегда то самое верование, которое находилось у истоков возникновения правила, однако не исключены и случаи, когда одно и то же правило меняет свое идеологическое обоснование. В любом случае верование узаконивает, легитимирует правило. Институциональному миру требуется легитимация, то есть способы его “объяснения” и оправдания. Необходимо истолковать акторам смысл институтов в различных формулах легитимации. «Они должны быть последовательными и исчерпывающими в терминах институционального порядка, чтобы стать убедительными для нового поколения. Так сказать, ту же самую историю следует рассказать всем детям. Отсюда следует, что расширяющийся институциональный порядок создает соответствующую завесу легитимации, простирающую над ним свое защитное покрывало когнитивной и нормативной интерпретаций. Эти легитимации заучиваются новым поколением в ходе того же самого процесса, который социализирует их в институциональный порядок» (с. 103-4). Важность социального контроля проявляется не столько в поддержании функционирования действующих институтов, сколько в их освоении, то есть при социализации: «Перед новым поколением встает проблема выполнения существующих правил, и для его включения в институциональный порядок в ходе социализации требуется введение санкций. Институты должны утверждать свою власть над индивидом (что они и делают) независимо от тех субъективных смыслов, которые он может придавать каждой конкретной ситуации. Должен постоянно сохраняться и поддерживаться приоритет институциональных определений ситуации над попытками индивида определить их заново» (с. 104).

Интеграцию в обществе институционального порядка можно понимать в терминах “знания”, имеющегося у его членов и это означает, что: «анализ этого “знания” является существенным для анализа рассматриваемого институционального порядка. Важно подчеркнуть, что при этом речь не идет лишь исключительно и преимущественно о сложных теоретических системах, служащих легитимациями институционального порядка. Конечно, теории тоже нужно принимать в расчет. Но теоретическое знание - лишь небольшая и отнюдь не самая важная часть того, что считается знанием в обществе. Теоретически сложные легитимации появляются в определенный момент истории институционализации. Знание, имеющее первостепенное значение для институционального порядка, - это дотеоретическое знание. И в сумме оно представляет собой все “то, что каждый знает” о социальном мире - это совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и тому подобное» (с. 109, 111).

Как видно из вышеизложенного в этом разделе статьи, прагматизм и социальный конструктивизм дает ключ к пониманию процессов институциональных изменений. Эти

⁴³ «Социализацию можно определить как всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть» (с. 211)

процессы представляют собой динамику разделенных верований, за которыми следуют разделенные правила. Джон Коммонс близко подошел к такому пониманию анализируя решения английских и американских судов по хозяйственным вопросам (Commons, 1995). Немецкая же историческая школа, особенно в лице Макса Вебера, внесла существенный вклад в такое понимание. Последняя книга Дугласа Норта (North, 2005) продолжает эту традицию⁴⁴. Вот как он видит институциональную динамику Советского Союза: «История Советского Союза – это история постигаемой (perceived) реальности → верований (beliefs) → институтов → политик → измененной постигаемой (perceived) реальности и так далее и так далее. Главное, как менялись верования под воздействием обратной связи из измененной постигаемой (perceived) реальности как следствия осуществленных политик, адаптивной эффективности институциональной матрицы – насколько она склонна (responsive) к изменениям в случае, если результаты не соответствуют намерениям – и ограничений на изменения в формальных правилах, как корректировок осознаваемых (perceived) провалов (North, 2005, p.4)». В целом это достаточно реалистичная схема институциональных изменений в СССР. Ее недостатком является то, что акторы в ней представляют собой нечто неразделяемое цельное или, пользуясь терминологией используемой самим Нортом, в ней не выделены «экономические и политические предприниматели». Однако глубокое понимание советской институциональной динамики требует отдельного рассмотрения акторов-законодателей и акторов-исполнителей, а также формальных и неформальных правил и соответствующих им верований. Имеющие исторические корни неформальные правила и соответствующие им верования акторов-исполнителей в разные моменты советской истории могли облегчать введение новых институтов партийным руководством, как это было при коллективизации, и могли этому препятствовать, как во время перестройки и постсоветских реформ.⁴⁵ Аналогичную ошибку совершает и уже упоминавшийся продолжатель дела Коммонса, Д.Бромли, автор книги с интригующим подзаголовком «Волевой прагматизм и смысл экономических институтов». Идея, которую он развивает в книге, сводится к следующему: «В чем мы сейчас срочно нуждаемся, так это в теории институтов и институциональных изменений построенной на концепции разведывающей воли (*prospective volition*), человеческой воли в действии, смотрящей в будущее, и решающей как должно разворачиваться это будущее. Перспектива достижения определенных результатов в будущем служит основанием для людей осуществить определенные события сегодня – действуя либо как индивиды или действуя коллективно в тех демократических образованиях (законодательные органы, парламенты, административные агентства, суды), которые были созданы как раз для цели рассмотрения и осуществления институциональных изменений. Когда мы ухватим эти основания, мы ухватим также почему институты меняются»⁴⁶. При этом Бромли упускает из виду, что индивиды имеют, помимо тех правил, которые им навязываются «волевыми агентами», свои, имеющие глубокие исторические корни, неформальные правила и верования и если они противоречат правилам введенным «волевыми агентами», то они могут быть этими индивидами отторжены, чему дали множество подтверждений либеральные российские реформы от Столыпина до Гайдара и Ясина.

Нам представляется, что правильной была бы следующая схема институциональных изменений, которую автор данной статьи вывел на базе институционального анализа

⁴⁴ Видение Нортом процессов институциональных изменений в книге 2005 г. представляет собой кардинальный разрыв с его видением этих процессов в книге опубликованной им в 1990 г. (North, 1990, p.86)

⁴⁵ См. (Yefimov, 2001b) и (Yefimov, 2003).

⁴⁶ Bromley, 2006, p. 22. Делая ссылку на Коммонса, Бромли указывает на то, что некоторые индивиды могут играть важную роль в построении работающих правил (институтов), которых он называет волевые агенты (*volitional agents*). Выбор, который индивиды делают сегодня, вставлены (embedded) в действия вчерашних волевых агентов (p. 22).

аграрных преобразований⁴⁷ в России проведенного путем изучения документов, прежде всего юридических и политических, российской истории начиная с 1861 г.: «Преобразования аграрных институтов разворачиваются следуя циклам. Эти циклы могут быть представлены следующим образом: функционирование институтов вызывает реакции различных акторов, которые выражаются в идеологиях; идеологии конкурируют между собой за свое влияние, и по тем или иным причинам, одна из этих идеологий определяет содержание законодательства, которое создается, чтобы решить проблемы функционирования институтов; новое законодательство влияет на (но не определяет) функционирование институтов со старыми и/или новыми проблемами и мы возвращаемся к исходному пункту цикла.

Треугольник циклов институциональных изменений

Законодательство не определяет функционирование институтов так как правила, лежащие в основе институтов, могут быть формальными и неформальными. Для того, чтобы понять дополняемость или несовместимость формальных и неформальных правил, нужно анализировать динамику этих связей, так как социально-экономические реальности очень инерционны. (Yefimov, 2003, p. 31, 32).»

Подводя итоги сказанному в этом разделе статьи, отметим, что интерпретативная институциональная экономика отбрасывает «объективизацию» социальной реальности. Социально-экономическая реальность, т.е. поток экономической деятельности, есть результирующая действий совокупности ее участников (акторов). Последние делятся на более влиятельных, обладающих большей властью, и менее влиятельных и конечно вес более влиятельных в этой результирующей выше, часто намного выше, чем менее влиятельных. Действия участников регулируются некоторыми формальными и неформальными правилами, которые в свою очередь основываются на, в основном, разделяемых ими верованиях (идеях и ценностях). Более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше возможностей, чем менее влиятельные, изменить формальные правила, скорректировать неформальные правила, и убедить менее влиятельных участников в правоте новых верований и правомерности новых правил. В этом смысле можно сказать, что социально-экономическая реальность субъективна. Исследователь этой реальности должен нацелить свое внимание на то, как видят поток экономической деятельности различные ее участники, то есть каковы для них смыслы того, что происходит.

⁴⁷ Были изучены (Yefimov, 2001b; Yefimov, 2003) следующие аграрные потрясения в России: отмена крепостного права в 1861 г.; Столыпинская реформа 1906 г.; Октябрьская революция 1917 г.; коллективизация конца 20-х, начала 30-х гг.; пост-советские реформы 1990 гг..

Для обсуждения предмета интерпретативной институциональной экономики целесообразно выделить в социально-экономической реальности, т.е. потоке экономической деятельности, следующие четыре уровня: 1) когнитивный (самый высокий уровень); 2) институциональный; 3) организационный⁴⁸; 4) ресурсно-технологический (самый низкий уровень)⁴⁹. Каждому уровню соответствует свой предмет анализа (подпредмет интерпретативной институциональной экономики): на когнитивном уровне – это верования; на институциональном – это правила; на организационном – это власть, т.е. отношения влияния между акторами (индивидуумами или организациями); и, наконец, на ресурсно-технологическом – это ресурсы и технологии их переработки. Между уровнями имеются как нисходящие, так и восходящие связи. При рассмотрении нисходящих связей, верования определяют правила, в рамках которых осуществляются отношения власти между акторами, которые контролируют ресурсно-технологические потоки. По восходящей от ресурсно-технологического уровня исходят сигналы акторам, которые помогают им скорректировать их решения, проявления их власти. Используя свою власть, акторы пытаются также изменить правила в свою пользу. Наконец, проблемы, которые возникают у акторов при применении правил могут вызвать изменения в их верованиях. Цели исследования экономической деятельности во всем их разнообразии можно подразделить на три вида: результат изучаемой деятельности, ее механизм, ее эволюцию. Выбор уровня анализа зависит от цели исследования. Если исследователя интересует прежде всего результат экономической деятельности в тот или иной момент (моменты) времени, то основное внимание должно быть уделено ресурсно-технологическому уровню. В противоположность этому, если исследователя интересует не конкретный результат экономической деятельности, а ее механизм, действующий в течение некоторого времени, то его внимание должно быть сконцентрировано на организационном и институциональном уровнях. Если же исследователя интересуют изменения в механизме экономической деятельности, то основное внимание должно быть сфокусировано на институциональном и когнитивном уровнях. В рамках интерпретативной институциональной экономики, количественный анализ материальных потоков (уровень 4) может помочь исследователю только задавать себе вопросы, а ответы на эти вопросы он должен искать на более высоких уровнях. [(Yefimov, 1981, p. 190), (Ефимов, 1988, с. 20), (Yefimov, 2001, pp. 30 - 31)].

⁴⁸ Этот уровень можно было бы также назвать волевым или властным.

⁴⁹ Ранее, уровневое рассмотрение экономической деятельности было предложено автором в следующих публикациях: (Yefimov, 1981, p. 188 – 191; Ефимов, 1988, с. 17 – 21; Yefimov, 1997; Yefimov, 2001a).

8. Эпистемология и метод интерпретативной институциональной экономики

В предыдущем разделе, уже упоминалось, что исходная институциональная экономика, по крайней мере в ее коммоновском варианте, имела в качестве своей эпистемологии пирсоновское понимание процесса научного исследования. Подчеркивалось также, что принятие этой эпистемологии в сообществах экономистов наталкивается на огромные трудности. Намек для понимания этого явления можно найти у самого Пирса. В своей статье «Что такое прагматизм», Пирс говорит о себе, что получив образование и опыт экспериментатора, он, по существу, воплотил в своей философии прагматизма подход свойственный исследователям экспериментаторам. Он признавался, что «с интеллектом тех, чье образование в основном почерпнуто из книг – и разительно отличается таким образом от полученного им самим, - у него (у Пирса) никогда не сможет установиться внутренняя связь, как бы близко он ни был знаком с этими людьми в обыденной жизни (Пирс, 2000b, с. 155.)» Это напрямую относится к экономистам: в настоящее время технологии экономического образования настроены на обучение теориям и имеют тенденцию игнорировать обучение опыту. Кроме того практическая значимость как критерий оценки научных результатов не имеет большого веса в той системе ориентиров, которыми руководствуются экономисты (Ананьин, 2005, с.206-7). Эмпирические, особенно полевые, исследования рассматриваются в сообществах экономистов, как занятие недостойное для «высококвалифицированных ученых», а если уж они и участвуют в решении каких-то практических задач, то как носители каких-то уже готовых теорий, а не с целью создавать теории имеющие практическую значимость, а они всегда контекстные, решая эти задачи. Густав Шмоллер и Джон Коммонс были экспериментаторами в пирсоновском смысле. Именно поэтому Коммонс оказался чувствительным к прагматизму, а Шмоллер к родственному прагматизму философскому направлению – герменевтике.

В своей эпистемологии Пирс напрямую связывает понятие истины с понятием веры: «Вместо того, чтобы говорить, что вы хотите знать «Истину», вам было бы просто нужно сказать, что хотите достичь состояния веры, недоступной сомнению. Вера не является минутным состоянием сознания; это привычка ума, в своих основных чертах делящаяся какое-то время и (по крайней мере) в большинстве своем бессознательно; и, так же как и любые другие привычки, она (до тех пор, пока не встретится с какой-то неожиданностью, начинающий процесс ее растворения) полностью самодостаточна» (Пирс, 2000a, с. 305). Пирс рассматривал исследование, как коллективную деятельность определенного сообщества исследователей и понятие истины и реальности ставится им в зависимость от этого сообщества: «Так обстоит дело со всяким научным исследованием. Различные умы могут первоначально иметь самые противоположные мнения, однако в процессе исследования какая-то внешняя и чуждая им сила приводит их к одному и тому же заключению. Эта деятельность мысли, которая влечет нас не туда, куда мы хотим, но к predetermined цели, подобна действию судьбы. Никакое изменение принятой точки зрения, никакой отбор других фактов для изучения, ни даже естественная склонность ума не могут позволить человеку избежать предустановленного мнения. Эта великая надежда воплощена в концепции истины и реальности. Мнение, которому суждено стать общим соглашением исследователей⁵⁰, есть то, что мы имеем в виду под истиной, а объект, представленный в этом мнении, есть реальное. Вот так я бы стал объяснять реальность» (Пирс, 2000a, 291, 292). Известный немецкий социолог Ханс Йоас так оценивает пирсоновскую эпистемологию: «Ведущее понятие картезианства, понятие одинокого сомневающегося *ego*, заменено идеей кооперативного поиска истины с целью справиться с реальными проблемами

⁵⁰ Здесь перевод скорректирован по (Пирс, 2000b, с. 151)

возникающими в процессе действия. Можно было бы поддасться соблазну приписать такому превращению такую же историческую значимость, какая была жалована философии Декарта. Последствия, по крайней мере, этого превращения ведущей идеи философской рефлексии являются очень далеко идущими. Действительно, поменялась вся связь между познанием и реальностью. Понятие истины больше не выражает верного представления реальности в познании, которое может быть представлено используя метафору копии; скорее, оно выражает увеличение возможности действовать в связи с окружением. Все стадии познания, от сенсорного восприятия, далее через выведение логических заключений, и до саморефлексии, должны теперь быть представлены по-новому» (Joas, 1993, p.19, 20). Как мы уже видели в разделе 6 этой статьи, такое обновление видения различных стадий познания успешно осуществляется когнитивными науками. Во времена Коммонса когнитивная психология только начинала еще делать первые шаги, но сейчас, по-видимому, даже можно сказать, что интерпретативная институциональная экономика может вполне отталкиваться от того, что Эдельман назвал *brain-based epistemology*, которая развила, быть может даже иногда и не сознавая этого, то, что первоначально создал Пирс.

Среди отечественных философов, интерпретативная парадигма в науке защищается в книгах Л.А. Микешинной (2002, 2005). При этом она обращается «к герменевтике, имеющей дело не только с текстами, но и с пониманием как неотъемлемым моментом бытия субъекта, познающий человек предстает не как отражающий, но как интерпретирующий и самоинтерпретирующий субъект. <...> Познание, понимание и интерпретация предполагаются укорененными в историческом и социокультурном контексте, тесно связанными с жизнью, традицией и историей» (2002, с. 57, 74). Субъект познания для нее - это, прежде всего и главным образом, «субъект интерпретирующий, поскольку его существование и деятельности разворачиваются не просто в объективной действительности, но и в мире созданных им образов, знаков и символических форм, присущих самой структуре человеческой жизни» (2002, с. 20).

Сам Коммонс подчеркивал в своей книге «Институциональная экономика», что для него прагматизм, с одной стороны, подсказывает предмет науки экономики (Commons, 1990, p.151, 157), а с другой стороны дает ему метод исследования (p. 150). Этот метод предполагает экспериментальный подход к исследованию, т.е. прямой контакт с изучаемым предметом, институтами и непосредственно с ними связанными верованиями. Этот прямой контакт может быть достигнут исследователем путем изучения различных документов, включая тексты с формальными правилами (законы, указы, постановления, положения и т.п.), тексты отражающие верования (программы политических партий, ассоциаций, тексты выступлений политических лидеров и т.п.). Однако значительная часть информации может быть получена исключительно непосредственно от акторов⁵¹. В этом случае прямой контакт с правилами и верованиями осуществляется путем прямого контакта с актерами, как носителями этих правил и верований, контакта в форме бесед-интервью⁵², встроенного наблюдения (*participant observation*)⁵³, исследования действием (*action research*)⁵⁴ и все это в рамках исследований конкретных случаев-ситуаций (*case study*)⁵⁵. Все эти методы призваны устранить когнитивный разрыв (*cognitive gap*) между учеными и актерами и, в некотором смысле, позволяют расширить

⁵¹ Комментируя, Коммонс приводит такое шутливое высказывание: «Академическая деятельность представляет собой мозги без опыта. Другая, 'практическая', крайность – это опыт без мозгов. В первом случае мы получаем незрелые (half-baked) теории, в другом - эмпирические определения (Commons, 1964, p. 106)»

⁵² Коммонс называл интервьюирование «лучшим методом исследования» (Commons, 1990, p. 106).

⁵³ Встроенное наблюдение предполагает участие исследователя в деятельности исследуемых.

⁵⁴ Исследование действием отличается от встроенного наблюдения в основном тем, что исследователь не только участвует в деятельности исследуемых, но и пытается вместе с ними изменить что-то в этой деятельности.

⁵⁵ Коммонс активно исследовал конкретные случаи прошлого, например, судебные процессы по хозяйственным вопросам в Англии 17-18 веков (Commons, 1990) и случаи настоящего, например, конкретные трудовые конфликты в современных ему США.

сообщества исследователей (*learning communities*) за счет включения в них акторов. Для того, чтобы схватить смысл наблюдаемых событий, понять верования и неформальные правила акторов проводимые интервью должны быть *активными*, т.е. принимать в каком-смысле форму обсуждений методом мозгового штурма (*brainstorming*)⁵⁶. Один из исследователей американского институционализма утверждает, что исходная (старая) институциональная экономика «опиралась на *сравнительный метод* развитый антропологами», который применяется институционалистами путем изучения случаев (*case studies*), полевых исследований (*field studies*), в том числе и путем встроенного наблюдения. В целом он характеризует метод исходной институциональной экономики как критический исторический метод (Stanfield, 1999, p. 236, 237).

Метод интерпретативной институциональной экономики *как современной науки* может обсуждаться отталкиваясь от разных источников интерпретативной традиции, к которой она принадлежит. Прежде всего, это конечно немецкая историческая школа и американский институционализм. Но эти традиции были по существу прерваны уже несколько десятков лет тому назад, а, как мы видели выше, интерпретативная традиция продолжала существовать и развиваться в философии, когнитивных науках и в науках о культуре и *современная* интерпретативная институциональная экономика должна воспользоваться и быть оплодотворена идеями и методами развитыми в этих областях. В настоящее время интерпретативная традиция в философии продолжается многими авторами. Л.А.Микешина назвала один из разделов своей книги «Интерпретация как научный метод и базовая процедура познания» (2005, с. 98). Таким образом следуя ей можно сказать, что интерпретация и *есть* метод интерпретативной институциональной экономики. Если же отталкиваться от когнитивных наук при обсуждении метода интерпретативной институциональной экономики, то можно сказать, что в своем исследовании ученый должен отдавать себе отчет в том, как на самом деле он это исследование осуществляет и стараться использовать такие ментальные механизмы как категоризация и концептуальная интеграция не только неявно, подсознательно, но в явном, может быть даже в несколько упорядоченном виде⁵⁷. В этом смысле мы можем говорить об использовании *brain-based method*, состоящем в сознательном воспроизведении процедур реального мышления открытого когнитивистами в практике человеческих исследований. Наконец, конечно, это науки о культуре, которые стоят у истоков многих методов и подходов интерпретативной парадигмы. Некоторые из них, такие как исследование действием, встроенное наблюдение, исследование случаев, беседы-интервью, мы уже упоминали. К ним нужно было бы добавить этнографический метод, метод историй жизни (*life history*) и наконец последнее, но далеко не последнее по важности, так называемое *заземленное теоретизирование* (*grounded theory*)⁵⁸. Именно из-за особо большого

⁵⁶ В интерпретативной парадигме, в отличие от классической, объект и субъект исследования не должны быть полностью независимы друг от друга, наоборот, процесс взаимодействия между ними в виде активного свободного интервью, встроенного наблюдения или исследования действием может существенно повысить качество исследования.

⁵⁷ Автор данной статьи должен честно признаться, что только совсем недавно понял, что многие его результаты, в частности те, которые отражены в книге опубликованной в 2003 г., основывались на наложении одного ментального пространства на другое с последующей концептуальной интеграцией.

⁵⁸ Все перечисленные в этом параграфе методы принадлежат к так называемым *качественным методам*. Это название происходит, с одной стороны, из того факта, что они имеют дело в основном с качественной, а не с количественной информацией, а с другой стороны, такое название противопоставляет эти методы количественным. В этой статье мы не имеем возможности дать, хотя бы даже и краткую, характеристику каждого из них, однако те из читателей, кто захочет изучить их, может воспользоваться выборочной библиографией качественных методов исследования данной в Приложении. Хотя качественные методы первоначально возникли в рамках развития интерпретативной парадигмы, один только факт их применения в каком-то исследовании еще не гарантирует автоматически проведение этого исследования как интерпретативного. В последнее время можно наблюдать все больше попыток применения этих методов в рамках традиционной классической парадигмы. Так, профессор Сорбонны К.Менар, один из тех, кто в настоящее время очень активен в формировании сообщества сторонников новой институциональной

значения заземленного теоретизирования для развития интерпретативной институциональной экономики, мы здесь кратко охарактеризуем его методiku.

Прежде всего обсудим сам русский термин «заземленное теоретизирование», который я предлагаю использовать для обозначения *grounded theory*. В русских публикациях появилось уже несколько вариантов перевода английского термина *grounded theory*. Это – обоснованная теория, заземленная теория, укорененная теория и даже граунд-теория. Почему не теория, а теоретизирование? Потому, что *grounded theory* это не теория, а методика. Эта методика проведения социальных исследований, начиная от сбора качественных данных, их анализа и построения на базе этого анализа теории «заземленной», а лучше сказать «укорененной» в самих этих данных. «Таким образом, данные формируют основание, фундамент (foundation) нашей теории и наш анализ этих данных порождает (generates) концепции, которые мы строим» (Charmaz, 2006, p. 2). Если мы использовали бы слово «укорененная», то нужно было бы обязательно добавить в чем (в данных), а это уже (укорененная в данных теоретизирование) слишком длинно. Именно поэтому я предлагаю использовать термин «заземленное теоретизирование», который в значительной степени отражает существо и в тоже время не очень длинный. Как и в любых интерпретативных исследованиях, используя эту методiku мы должны быть очень открыты к получению и анализу любой информации относительно объекта нашего исследования. Так, беседуя с актерами, мы должны давать им возможность говорить, в рамках исследуемой темы, о том, что они считают в ней значимым, и только изредка мягко направлять их своими вопросами и замечаниями. Самым важным является то, чтобы им было *интересно* делиться с вами своей информацией, а этого можно достигнуть, если беседа не является интервью типа вопрос-ответ, а является скорее обсуждением темы, хотя заранее заготовленные вопросы и могут время от времени задаваться. Акторов для «интервью» мы выбираем не случайно, а направленно, а именно тех, кто непосредственно участвует в изучаемой деятельности и способен действительно предоставить нам ценную информацию по данной теме. «Выборка» теоретически продолжается до тех пор, пока мы получаем новую, ценную для нас информацию. Мой личный опыт показывает, что «насыщение», т.е. когда мы не получаем новой информации меня собеседников, при беседах с актерами одного и того же типа, наступает достаточно быстро. Беседы обязательно должны записываться на диктофон. Обязательным также является расшифровка этих записей, т.е. приготовление текстов или «транскриптов». Транскрипты, равно как и собранные документы тщательно прочитываются и анализируются. В каждом транскрипте и документе выделяются однородные куски, которые помечаются нами как таковые, т.е. кодируются. Куски эти выделяются путем сравнения различных частей текстов, а затем и сами куски сравниваются между собой, т.е. можно сказать, что заземленное теоретизирование применяет сравнительный метод: «Осуществляя и кодируя многочисленные сравнения, у нас начинает формироваться аналитическое видение данных. Мы пишем предварительные аналитические заметки или «памятки» относительно наших кодов и сравнений и любых других идей о данных располагаемых нами. Через изучение данных, сравнивая их, и готовя «памятки», мы определяем идеи, которые наилучшим образом подходят данным и интерпретируют их, как предварительные аналитические категории. Когда возникают вопросы и появляются бреши в наших категориях, мы ищем данные, которые ответили бы на эти вопросы и заполнили эти бреши <...> По мере того, как мы продвигаемся в интерпретации собранных данных, наши категории с одной стороны сращиваются, а с другой стороны становятся более теоретическими, потому, что мы поднимаемся по последовательным уровням анализа. Наши аналитические категории и отношения, которые мы выводим между ними, дают нам концептуальное понимание изучаемого опыта. Таким образом, мы строим разные уровни абстракции непосредственно из данных, и затем собираем дополнительные данные для того, чтобы проверить и уточнить возникающие аналитические категории. Наша работа

экономической теории, предлагает использовать *case studies* в рамках тестирования положений этой теории (Ménard, 2001).

завершается созданием «заземленной теории» (укорененной в данных теории) или (что тоже самое) абстрактным теоретическим пониманием изучаемого опыта» (Charmaz, 2006, p. 3, 4) .

Как мы уже отмечали метод интерпретативной институциональной экономики предполагает экспериментальный подход к исследованию, т.е. прямой контакт с изучаемым предметом, институтами и непосредственно с ними связанными верованиями. Если это контакт не с документами, а непосредственно с актерами, то как правило, при интерпретативном подходе исследователь вступает с ними контакт в естественном для них, часто рабочем, окружении. Поместив их в искусственные условия мы делаем первый шаг к проведению исследований в лаборатории. Вторым шагом было бы создание некоей экспериментальной установки, своего рода экономического синхрофазотрона, которая бы и представляла бы собой эти искусственные условия. Если бы эта установка динамически поставляла бы обратную связь на действия акторов в зависимости от их решений, которые в свою очередь зависели бы от правил их взаимодействия, то мы получили бы лабораторию для проведения экспериментов в области институциональной экономики. Такая установка (имитационная игра) была создана в 80-е годы автором данной статьи для сравнительных лабораторно-экспериментальных исследований влияния на хозяйственную деятельность разных хозяйственных законодательств (Ефимов, 1986; Ефимов, 1988). Построение этой установки, а также методики ее использования, основывалось на интерпретативной методологии: «Эксперименты с имитационными играми должны строиться и проводится совсем не так, как того требует классическая естественнонаучная традиция. В этих экспериментах коллектив участников (игроков) нужно рассматривать не только (и не столько) как заменителей соответствующих активных элементов (актеров), а как реальную социальную группу, возникновение лабораторной культуры⁵⁹ в которой не элиминируется, а используется <...> В таких экспериментах в качестве игроков выступают либо непосредственно лица, заинтересованные в изучении функционирования экономической системы, либо эксперты, помогающие такому исследованию (Ефимов, 1988, с 15)». С одной стороны, игроки-участники должны подчинять свои взаимодействия и решения введенным экспериментатором формальным правилам (моделям законодательств), а с другой стороны, они привносят в эксперимент из своей реальной жизни верования и неформальные правила и тем самым дают возможность проследить совместное влияние верований и двух типов правил на результаты функционирования моделируемой компьютером экономической системы. Важнейшей частью эксперимента является так называемая деятельность по поводу игры⁶⁰, связанной с обсуждением и замечаниями по поводу изучаемой в эксперименте проблеме между игроками и между игроками и экспериментаторами, а также по поводу конструкции и организации эксперимента (Ефимов, 1978, с 151). Автор уже очень давно опубликовал статью в ставшем сейчас престижном международном журнале с изложением концепции интерпретативного лабораторного экспериментирования для институциональных исследований (Ефимов, 1981), однако этот его призыв остался неслышанным, а журнал погрузился в классическую парадигму. Создатель неоклассической экспериментальной экономики, которая стала очень популярной и сейчас рассматривается многими, как часть новой институциональной экономики⁶¹, профессор Принстонского университета, Вернон Смит (Vernon L. Smith), работает в противоположной, классической парадигме, почему и получил в 2002 г. Нобелевскую премию по экономике.

⁵⁹ Примером проявления лабораторной культуры может служить знаменитый хауторнский (Hawthorne) эффект, то есть искажение результатов эксперимента под влиянием самого факта проведения эксперимента.

⁶⁰ Понятие деятельности по поводу игры автор заимствовал из статьи Г.П. Щедровицкого и Р.Г. Надежиной «О двух типах отношений руководства в групповой деятельности детей» («Вопросы психологии», 1973, №)

⁶¹ Здесь уже нельзя перевести New Institutional Economics как Новая институциональная экономическая теория.

Автор статьи отдает себе отчет в том, что предложенный им текст, и это, по-видимому, касается в первую очередь текста заключительного 8 раздела должен был бы содержать живые примеры исследований в рамках интерпретативной институциональной экономики. Из-за недостатка места мы не смогли здесь этого сделать, однако в будущей статье, которая будет непосредственным продолжением данной, автор собирается описать свои исследования с применением различных методов упомянутых в заключительном разделе. Вот о каких исследованиях идет речь:

№	Метод	Тема	Место	Годы
1	Этнографическое исследование	Проявления централизованного планирования и распределения ресурсов	г. Москва, г. Новолипецк	1975 - 1984
2	Лабораторное экспериментирование (построение и испытание стенда)	Сравнительный анализ влияния различных хозяйственных законодательств на функционирование экономики	г. Москва, г. Новосибирск	1980 - 1988
3	Исследование действием	Создание фермерских хозяйств в сельском районе	Переславский район Ярославской области	1988 - 1991
4	Встроенное наблюдение	Источники экономической эффективности крупного предприятия розничной торговли	Франция, Парижская агломерация	1994
5	Исследование случаев	Институциональный анализ приватизации сельского хозяйства в области	Казахстан, Акмолинская область	1995 - 1997
6	Заземленное теоретизирование	Функционирование аграрных институтов	Самарская область	1997 - 1999
6	Истории жизни, активные интервью	Сравнительный анализ возникновения и функционирования фермерских хозяйств	Саратовская и Нижегородская области	2000
7	Анализ правовых и политических документов	Аграрная институциональная динамика России в XX-м веке	г. Москва ; Франция, Верхняя Савойя	2000 - 2001
8	Анализ проектов законодательных актов, публикаций касающихся этих актов и стенограмм заседаний по их обсуждению в законодательном органе	Земельное законодательство пост-советской России как результат идеологической и политической борьбы	г. Москва ; Франция, Верхняя Савойя	2001 - 2002

Литература

- Ананьин О. *Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ*. М. : Наука, 2005.
- Ананьин О. « Философия и методология экономической науки ». В (Лебедев, 2006, с. 353 -436).
- Андрефф В. « Постсоветская приватизация в свете теоремы Коуза : транзакционные издержки и управленческие затраты », « Российская приватизация на переломе : некоторые нерешенные вопросы транзакционных издержек и управленческих затрат в постсоветских экономиках ». Главы II.4 и II.5 в (Олейник, 2005) с. 438 – 553.
- Бергер П. и Т. Лукман. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М. : « Медиум ». 1995.
- Блауг М. *Методология экономической науки*. М. : Вопросы экономики. 2004.
- Бодрийяр Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры*. М. : Республика. 2006.
- Бринтон К. *Истоки западного образа мысли*. М.: Московская школа политических исследований. 2003.
- Буайе Р. *Теория регуляции. Критический анализ*. Ростов-на-Дону : РГГУ. 1997.
- Вандельбанд В. « Философия культуры и трансцендентальный идеализм ». В (Левит, 1995, с. 57 – 68)
- Вебер М *Аграрная история Древнего мира*. М. : Канон-Пресс-Ц. 2001.
- Вебер М. *Избранное :Протестантская этика и дух капитализма*. М. : РОССПЭН. 2006.
- Величковский Б.М. *Когнитивная наука. Основы психологии познания*. (в двух томах). М. : Смысл : Издательский центр « Академия ». 2006.
- Декарт Р. *Избранные произведения*. Луцк : Вежа. 1998.
- Дильтей В « Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах. В (Левит, 1995, с. 213 – 255)
- Дильтей В. *Введение в науки о духе : Опыт полагания основ для изучения общества и истории. Т. I собрания сочинений в шести томах*. М. : Три квадрата. 2000.
- Ефимов В.М. « К теории управленческих имитационных игр ». В *Динамическая и вероятностная оптимизация экономики*. с. 132 – 174. Новосибирск : « Наука ». 1978.
- Ефимов В.М. « Игровая имитационная модель для исследования проблем хозяйственного механизма », *Экономика и математические методы*, № 4, с. 651 – 661. 1986.
- Ефимов В.М. *Имитационная игра для системного анализа управления экономикой*. М. : « Наука ». 1988.
- Зиммель Г. « Конфликт современной культуры ». В (Левит, 1995, с. 378 – 398)
- Ионин Л.Г. *Социология культуры*. М. : Издательский дом ГУ ВШЭ. 2004.
- Ковалев С. и Ю. Латов. « « Аграрный вопрос » в России на рубеже XIX- XX вв. : попытка институционального анализа », *Вопросы экономики*, No 4, 2000.
- Кирдина С.Г. *X и Y экономки. Институциональный анализ*. М.: Наука. 2004.
- Кирдина С.Г. *Институциональные матрицы и развитие России*. Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН. 2001.
- Котенко В.П. *История и философия классической науки*. М. : Академический Проект. 2005.
- Кун Т. *Структура научных революций*. М. : Издательство АСТ. 2002. (Это же издание содержит книгу Имре Лакатоса *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*.)
- Лакофф Дж. и М. Джонсон. *Метафоры, которыми мы живем*. М. : УРСС. 2004.
- Лакофф Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении*. М. : Языки славянской культуры. 2004.
- Лебедев С.А. (ред.). *Философия социальных и гуманитарных наук*. М.: Академический проект. 2006.
- Леви-Строс К. *Структурная антропология*. М. : « Восточная литература » РАН. 1985.
- Левит С.Я. (составитель) *Культурология XX век. Антология*. М. : Издательство « Юрист ». 1995.
- Линн С. *Проданное детство. Как агрессивный маркетинг лишает будущего наших детей*. М.: Добрая книга. 2006.
- Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. *Китайское чудо: экономическая реформа, стратегия развития*. М.: ИДВ РАН. 2001.
- Львов Д.С.(ред.) *Введение в институциональную экономику*. М. : Экономика. 2005.
- Малиновский Б. *Научная теория культуры*. М. : ОГИ. 2005.
- Менгер К. *Избранные работы*. М. : Территория будущего. 2005.
- Микешина Л.А. *Философия познания. Полемиические главы*. М. : Прогресс – Традиция. 2002.
- Микешина Л.А. *Философия науки : Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования*. М. : Прогресс – Традиция. 2005.
- Митронин Д. (составитель) *Макс Вебер за 90 минут*. М. : Издательство « Сова ». 2006.
- Мосс М. *Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М. : « Восточная литература » РАН. 1996.
- Олейник А. (ред.) *Институциональная экономика*. М. : ИНФРА-М. 2005.
- Орехов А. *Методы экономических исследований*. М. : ИНФРА-М. 2006.
- Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М. : Академический Проект. 2000.
- Пирс Ч.С. *Избранные произведения*. М. : Логос. 2000а.

- Пирс Ч.С. *Начала прагматизма*. СПб. : « Алетея ». 2000б.
- Поппер К. *Логика научного исследования*. М. : Республика. 2004.
- Пригожин И. и И. Стенгерс. *Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой*. М. : УРСС. 2005.
- Радаев В.В. (ред.). *Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу*. М. : РОССПЭН. 2002.
- Радаев В.В. *Социология рынков : к формированию нового направления*. М. : ГУ ВШЭ. 2003.
- Радаев В.В. (ред.). *Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики*. М. : РОССПЭН. 2004.
- Радаев В.В. *Экономическая социология*. М. : ГУ ВШЭ. 2005.
- Риккерт Г. « Науки о природе и науки о культуре ». В (Левит, 1995, с. 69 – 103)
- Риккерт Г. *Философия жизни*. Минск : Харвест. 2000.
- Сачков Ю.В. *Научный метод. Вопросы и развитие*. М. : УРСС. 2003.
- Степин В.С. *Теоретическое знание*. М. : Прогресс – Традиция. 2003.
- Стиглиц Дж. *Резуцие девяностые. Семена развала*. М. : Современная экономика и право, 2005 г.
- Тамбовцев В.Л. « Новая институциональная экономическая теория : проблемы преподавания », *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Том 2, № 2, с. 27 - 39. 2004.
- Тарнас Р. *История западного мышления*. М. : Крон-Пресс. 1995.
- Тарушкин А.Б. *Институциональная экономика*. СПб. : Питер. 2004.
- Ходжсон Д. *Экономическая теория и институты*. М. : Дело. 2003.
- Хомский Н. *Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок*. М. : Практикс. 2002.
- Хомский Н. *Государства-изгои. Право сильного в мировой политике*. М. : Логос. 2003.
- Bazzoli L. *L'économie de John R. Commons. Essai sur l'institutionnalisme en sciences sociales*. Paris : L'Harmattan. 1999.
- Berger P. and T. Luckman . *The Social Construction of Reality*, London: Penguin Books. 1991.
- Billaudot B. *Régulation et croissance. Une macroéconomie historique et institutionnelle*. Paris: L'Harmattan. 2001.
- Blaug M. *Great Economists before Keynes*. London: Whitesheaf Books Ltd. 1986.
- Blumer H. *Symbolic Interactionism. Perspective and Method*. Englewood cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. 1998.
- Boyer R. et Y.Saillard (eds.) *Théorie de la régulation. L'état des savoirs*. Paris : La Découverte. 1995.
- Boyer R. *Théorie de la régulation*. Paris : La Découverte. 2000.
- Bromley D.W. *Sufficient Reason. Volitional Pragmatism and the Meaning of Economic Institutions*. Princeton: Princeton University Press. 2006.
- Bruhns H. (ed.). *Histoire et économie politique en Allemagne de Gustave Schmoller à Max Weber*. Paris : Editions de la Maison des sciences de l'homme. 2004.
- Bruner J. *Acts of Meaning*. Cambridge: Harvard University Press. 1990.
- Bruner J. ... *car la culture donne forme à l'esprit*. Paris: Editions Eshel.1997.
- Burt E.A. *The Metaphysical Foundations of Modern Science*. NY : Dover Publications. 2003.
- Bush P.D. "The Methodology of Institutional Economics: A Pragmatic Instrumentalist Perspective", in (Tool, 1993), pp. 59 – 118.
- Charmaz K. *Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks: Sage Publications. 2006.
- Charon J.M. *Symbolic Interactionism. An Introduction, An Interpretation, An Integration*. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall. 2001.
- Comeliau Ch. *Les impasse de la modernité. Critique de la marchandisation du monde*. Paris : Seuil. 2000.
- Comeliau Ch. *La croissance ou le progrès ? Croissance, décroissance. Développement durable*. Paris : Seuil. 2006.
- Commons J.R. *Myself. The Autobiography of John R. Commons*, reprinted Madison: The University of Wisconsin Press, 1964.
- Commons J.R. and J.B.Andrews. *Principles of Labor Legislation*. New York: Augustus M. Kelley. 1967.
- Commons J.R. *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990.
- Commons J.R. *Legal Foundations of Capitalism*, reprinted New Brunswick: Transaction Publishers, 1995.
- Damasio A. *Descartes' Error. Emotion, Reason, and the Human Brain*. NY : Penguin Books. 2005.
- Davis D.B., D.W. Hands and U. Maki, eds. (1998), *The Handbook of Economic Methodology*, Cheltenham, U.K.: Edward Elgar.
- Denzau A.T. and D.C. North. "Shared Mental Models: Ideologies and Institutions", *Kyklos*, 1994, 47 (1), pp. 3 – 30.
- Dilthey W. *Introduction to the Human Sciences*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1989.
- Edelman G. M. *Second Nature. Brain Science and Human Knowledge*. New Haven and London : Yale University Press. 2006.
- Eliaeson S. *Max Weber's Methodologies*. Cambridge : Polity Press. 2002.
- Fauconnier G. and M. Turner. *The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York : Basic Books. 2002.

- Fligstein N. *The Architecture of Markets. An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Society*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 2001.
- Forti A. et al. *La mort de Newton*. Paris : Maisonneuve et Larose. 1996.
- Friedman M. "Methodology of Positive Economics", in Milton Friedman, *Essays in Positive Economics*, Chicago: The University of Chicago Press, pp. 3 - 43. 1953.
- Forti A. et al. *La mort de Newton*. Paris : Maisonneuve et Larose. 1996.
- Fullbrook E. (ed.) *The Crisis in Economics. The post-autistic economics movement: the first 600 days*, London: Routledge. 2003.
- Fullbrook E. (ed.) *A Guide to What is Wrong with Economics*. London: Routledge. 2004.
- Fullbrook E. (ed.) *Real World Economics: A Post-autistic Economics Reader*. London: Anthem Press. 2007.
- Furubotn E.G. and R. Richter. *Institutions and Economic Theory. The Contribution of the New Institutional Economic*. Ann Arbor: The University of Michigan Press. 1998.
- Galiani F. *Dialogues sur le commerce des blés*. Paris : Fayard. 1984.
- Granovetter M. *La marché autrement*. Paris : Desclée de Brouwer. 2000.
- Geertz C. *The Interpretation of Cultures*. NY: Basic Books. 1973.
- Granovetter M. *La marché autrement*. Paris : Desclée de Brouwer. 2000.
- Greenblat C.S. and R.D. Duke, eds. (1975), *Gaming-Simulation. Rational, Design, and Applications*, Newbury Park: Sage Publications.
- Gribbin J., *Science. A History. 1543 – 2001*. London : Penguin Books. 2003.
- Grimmer-Solem E. *The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany 1864 – 1894*. Oxford : Clarendon Press. 2003.
- Harter L.G. *John R. Commons: His Assault on Laissez-Faire*. Corvallis: Oregon State University Press. 1962.
- Herman E.S. and N. Chomsky. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media* New York: Pantheon. 2002.
- Hodgson, G.M., W.J. Samuels and M. R. Tool, eds. (1994), *The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics*, in two volumes, Aldershot (UK): Edward Elgar.
- Hodgson G.M. *How Economics forgot History*. London and New York: Routledge. 2001.
- Hodgson, G.M. "John R. Commons and the Foundations of Institutional Economics", *Journal of Economic Issues*, Vol. XXXVII, n° 3, September, pp. 547-576. 2003.
- Hodgson G.M. *The Evolution of Institutional Economics*. London and New York: Routledge. 2004.
- Jevons W.S. *Elementary Lessons in Logic: Deductive and Inductive*. Honolulu, Hawaii: University Press of the Pacific. 2002.
- Joas H. *Pragmatism and Social Theory*. Chicago: University of Chicago Press. 1993.
- Johnson-Laird Ph. *Mental Models. Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness*. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press. 1983.
- Johnson-Laird Ph. *How We Reason*. Oxford, New York : Oxford University Press. 2006.
- Knorr-Cetina K. and A. Preda (eds.). *The Sociology of Financial Markets*. Oxford : Oxford University Press. 2005.
- Koslowski P. (ed.) *Methodology of the Social Sciences, Ethics, and Economics in the Newer Historical School. From Max Weber and Rickert to Sombart and Rothacker*. Berlin, Heidelberg : Springer Verlag. 1997.
- Koyré A. *Newtonian Studies*. Chicago: Chicago University Press. 1968.
- Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about Mind*. Chicago and London. University of Chicago Press. 1990.
- Lakoff G. and M. Johnson. *Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York : Basic Books. 1999.
- Lakoff G. *Whose Freedom? The Battle over America's Most Important Idea*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 2006.
- Leberman J. (conçu par) *Démystifier l'universalité des valeurs américains*. Paris : L'Aventurine. 2004.
- Lurçat F. *De la science à l'ignorance*. Monaco: Editions du Rocher. 2003.
- McCloskey D.N. *The Rhetoric of Economics*. Madison, Wisconsin : The University of Wisconsin Press. 1985.
- Mead G.H. *Mind, Self, & Society*, Chicago: The University of Chicago Press. 1967.
- Ménard C. (ed.) *Institutions, Contracts and Organizations. Perspectives from New Institutional Economics*, Cheltenham : Edward Elgar. 2000.
- Ménard C. « Methodological Issues in New Institutional Economics », *Journal of Economic Methodology*, January, 2001.
- Ménard C. and M.M. Shirley, (eds.) *Handbook of New Institutional Economics*. Dordrecht (The Netherlands): Springer. 2005.
- Mill J.S. *System of Logic Ratiocinative and Inductive Being a Connected View of the the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation*. London: Longmans. 1886.
- Mini P. "Cartesianism in Economics", in (Hodgson, Samuels and Tool, 1994), pp. 38 – 42.
- Mirowski Ph. "The Philosophical Bases of Institutional Economics", *Journal of Economic Issues*, Vol. XXI, n° 3, September, pp. 1001 – 1038. 1987.

- Mirowski Ph. *Against Mechanism. Protecting Economics from Science*. Lanham (USA): Rowman and Littlefield, 1988.
- Nau H. H. *Eine "Wissenschaft vom Menschen". Max Weber und die Begründung der Sozialökonomik in der deutschsprachigen Ökonomie 1871 bis 1914*. Berlin : Dunker and Humblot. 1997.
- North D.C. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. 1990.
- North D.C. "Understanding institutions", in (Ménard, 2000), pp. 7 – 10.
- North D.C. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton and Oxford : Princeton University Press. 2005.
- Orléan A. *Analyse économique des conventions*. Paris : Press Universitaire de France. 1994.
- Prigogine I. et I. Stengers. *La nouvelle alliance. Métamorphose de la science*. Paris : Gallimard. 1986.
- Rabinow P. and W.M. Sullivan (eds.) *Interpretive Social Science. A Second Look*. Brekeley : University of California Press. 1988.
- Rickman H.P. *Dilthey Today. A Critical Appraisal of the Contemporary Relevance of His Work*. New York: Greenwood Press. 1988.
- Salais R. et al. (eds.) *Institutions et conventions. La réflexivité de l'action économique*. Paris: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales. 1998.
- Schellschmidt H. *Oekonomische Institutionanalyse und Sozialpolitik. Gustav Schmoller und John R. Commons als Vertreter einer sozialreformerisch ausgerichteten Institutionenökonomie*. Marburg: Metropolis-Verlag. 1997.
- Schmoller G. "Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und –methode" in (Schmoller, 1998) p. 215 – 368. 1911.
- Schmoller G. *The Mercantile System and its Historical Significance*. Fairfield NJ : Augustus M. Kelley Publishers. 1989.
- Schmoller G. *Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft*. Marburg: Metropolis-Verlag. 1998.
- Stammler R. *Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. Eine sozialphilosophische Untersuchung*. Berlin, Leipzig : Walter de Gruyter. 1924. (Имеется русский перевод издания 1898 года)
- Stanfield J.R. "The Scope, Method, and Significance of Original Institutional Economics", *Journal of Economic Issues*, v. XXXIII, No. 2, pp. 231 – 255. 1999.
- Sternberg R. J. and T. Ben-Zeev. *Complex Cognition. The Psychology of Human Thought*, Oxford: Oxford University Press. 2001.
- Steuart J. *An Inquiry into the Principles of Political Economy*. L. : A.Miller and T.Cadell. 1767.
(Полный текст книги доступен на сайте www.marxists.org.)
- Stiglitz J. *Globalization and Its Discontents*. New York: W.W. Norton. 2002.
- Turner M. *The Literary Mind. The Origins of Thought and Language*. New York, Oxford: Oxford University Press. 1996.
- Turner M. *Cognitive Dimensions of Social Sciences. The Way We Think About Politics, Economics, Law and Society*. New York, Oxford: Oxford University Press. 2001.
- Thomas W.I. and F.Znaniiecki *The Polish Peasant in Europe and America*, 2 vols., New York: Knopf. 1926.
- Tool M. R. ed. (1993), *Institutional Economics: Theory, Method, Policy*, Boston /Dordrecht / London: Kluwer Academic Publishers, 1993.
- Veblen T. *The Place of Science in Modern Civilization*. New Brunswick: Transaction Publishers. 1990.
- Weber M. *The Religion of China*. New York : The Free Press. 1968.
- Weber M. *Roscher and Knies. The Logical Problems of Historical Economics*. New York : The Free Press. 1975.
- Weber M. *Critique of Stammler*. New York : The Free Press. 1977.
- Wilkes A.L *Knowledge in Minds. Individual and Collective Process in Cognition*, Hove, East Sussex, UK: Psychology Press. 1997.
- Wu J. *Understanding and Interpreting Chinese Economic Reform*. Mason, Ohio : Thomson South-Western. 2005.
- Yanow D. and P. Schwartz-Shea (eds.) *Interpretation and Method. Empirical Research Methods and the Interpretive Turn*. London: M.E. Sharpe. 2006.
- Yefimov V. "On the nature of management simulation games", *Economicko-Matematicky Obzor (Review of Econometrics)*, vol. 15, N° 4, Prague: Academia, pp.403 - 416. 1979.
- Yefimov V. "Gaming-simulation of the functioning of economic systems", *Journal of Economic Behavior & Organization*, v. 2, N° 2, pp. 187 - 200. 1981.
- Yefimov V. "Approche institutionnelle de l'analyse de la transition". *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. Paris : C.N.R.S., N° 2, pp. 99 - 119. 1997.
- Yefimov V. « Structures sociales en Russie, cellules et réseaux ». *Nouveaux Cahiers de l'IUED*, Collection Enjeux, N° 12, Paris & Geneva : PUF, pp.2 9 - 52. 2001a.
- Yefimov V. « Continuité et recomposition des régimes agraires russes dans le siècle », *Economie et Société, Série « Développement, croissance et progrès », « Développement – III », n° 9-10, Paris : ISMEA, pp.1439 - 1473. 2001b.*
- Yefimov V. *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie* . Paris : l'Harmattan, 2003.

Приложение : Библиография по качественным методам исследования

Качественные методы в целом

- Ковалев Е. М. и И.Е. Штейнберг. *Качественные методы в полевых социологических исследованиях*. М. : Логос. 1999
- Creswell J.W. *Qualitative Inquiry and Research Design*. Thousand Oaks: Sage Publications. 1998.
- Denzin N.F. and Y.S. Lincoln, (eds.). *The Sage Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks (USA): Sage Publications. 2005.
- Gerring J. *Case Study Research. Principles and Practices*. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 2007.
- Mucchielli A., ed. (1996), *Dictionnaire des méthodes qualitatives en sciences humaines et sociales*, Paris: Armand Colin.
- Paillé P. et A. Mucchielli. *L'analyse qualitative en sciences humaines et sociales*. Paris: Armin Colin. 2005.
- Poupart J. et al. *La recherche qualitative. Enjeux épistémologiques et méthodologiques*. Boucherville (Quebec): Gaëtan Morin. 1997.
- Rosenthal G. *Interpretative Sozialforschung. Eine Einführung*. Wienheim und München: Juventa Verlag. 2005.
- Silverman D. *Interpreting Qualitative Data. Methods for Analysing Talk, Text and Interaction*, Thousand Oaks: Sage Publications. 2006.

Исследование действием (action research)

- Greenwood D.J. and M. Levin *Introduction to Action Research. Social Research for Social Change*, Thousand Oaks: Sage Publications. 1998.
- Reason P. and H. Bradbury (eds.), *Handbook of Action Research.*, Thousand Oaks: Sage Publications. 2001.
- Stringer E.T. *Action Research*, Thousand Oaks: Sage Publications. 1999.

Исследование случаев (case study)

- George A.L. and A.Bennett. *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*. Cambridge, London: MIT Press. 2004.
- Gomm R., M. Hammersley and P. Foster (eds.). *Case Study Method : Key Issues, Key Texts*. Thousand Oaks: Sage Publications. 2000.
- Hamel J. *Case Study Methods*. Newbury Park: Sage Publications. 1993.
- Stake R.E. *The Art of Case Study Research*. Thousand Oaks: Sage Publications. 1995.

Истории жизни (life history)

- Atkinson R. (1998), *The Life Story Interview*, Thousand Oaks: Sage Publications.
- Bertaux D. *Les récits de vie*. Paris : Nathan. 1997.
- Demazière D. et C. Dubar. *Analyser les entretiens biographique*. Paris: Nathan. 1997.
- Poirier J., S. Clapier-Valladon et P. Raybaut. *Les récits de vie. Théorie et pratique*. Paris : PUF. 1996.

Заземленное теоретизирование (grounded theory)

- Страус А. И Д. Корбин. *Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники*. М. : УРСС. 2001.
- Charmaz K. *Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks: Sage Publications. 2006.
- Clarke A. E. *Situational Analysis. Grounded Theory After the Postmodern Turn*. Thousand Oaks: Sage Publications. 2005.
- Dey I. *Grounding Grounded Theory. Guidelines for Qualitative Research*, London: Academic Press. 1999.
- Locke K. *Grounded Theory in Management Research*, Thousand Oaks: Sage Publications. 2001.
- Glaser B.G. and A.L. Straus. *The Discovery of Grounded Theory: Strategy for Qualitative research*, Chicago: Aldine Publishing Company. 1967.
- Goulding Ch. *Grounded Theory. A Practical Guide for Management, Business and Market Researchers*. Thousand Oaks: Sage Publications. 2002.
- Howell K.E. *Discovering Limits of European Integration: Applying Grounded Theory*. Huntington, New York: Nova Science Publishers, Inc. 2000.
- Strauss A. and J. Corbin. *Basics of Qualitative Research. Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*, Thousand Oaks: Sage Publications. 1998.

Беседы - Активные (понимающие) интервью

- Белановский С.А. *Глубокое интервью*. М. : Никколо-Медиа. 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Две институциональные экономики.....	3
2. Классическая парадигма и эволюция науки.....	7
3. Классическая парадигма и институциональная экономика.....	13
4. Науки о культуре и интерпретативная парадигма.....	17
5. Новый поворот Д. Норта в «Новой институциональной экономической теории».....	21
6. Когнитивные науки и интерпретативная парадигма.....	25
7. Онтология и предмет интерпретативной институциональной экономики....	29
8. Эпистемология и метод интерпретативной институциональной экономики	37
Литература.....	43
Приложение: Библиография по качественным методам исследования.....	47

Владимир Максович

Ефимов

Родился в 1946 году. В 1969 году окончил Экономический факультет МГУ по специальности экономическая кибернетика. С 1971 – к.э.н. (защитил на Экономическом факультете МГУ). С 1990 – д.э.н. (защитил в ЦЭМИ АН СССР). В 1994 г. получил диплом МВА в Институте международного агропромышленного управления (*Institut de Gestion Internationale Agro-Alimentaire*) во Франции (*Cergy-Pontoise*). В 2002 защитил докторскую диссертацию в области исследования развития (*Development Studies*) в Женевском университете. С 1971 по 1989 – ассистент, старший преподаватель, доцент экономического факультета МГУ. С 1990 по 1997 – профессор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. С 1997 года – независимый исследователь, преподаватель и консультант. Проводит исследования в рамках интерпретативной парадигмы с середины 70-х годов. Автор 4 книг. Преподавал в высших учебных заведениях Франции и Швейцарии. Участвовал в проектах финансируемых Европейским Союзом в странах СНГ, Африки и Центральной Америки. В настоящее время проживает во Франции.

E-mail : vladimir.yefimov@wanadoo.fr